

На правах рукописи

Бакланова Ольга Александровна

**ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 5.7.7. Социальная и политическая философия
(философские науки)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора философских наук

Москва – 2025

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана» (национальный исследовательский университет)

Научный консультант: доктор философских наук, профессор,
Ивлев Виталий Юрьевич

Официальные оппоненты: **Антишин Сергей Сергеевич**,
доктор философских наук, доцент, Федеральное
государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования «Российский
государственный университет правосудия имени
В.М. Лебедева», заведующий кафедрой философии
и социально-гуманитарных дисциплин

Рыбаков Олег Юрьевич,
доктор философских наук, доктор юридических
наук, профессор, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
юридический университет имени О.Е. Кутафина»,
заведующий кафедрой философии и социологии

Стризое Александр Леонидович,
доктор философских наук, профессор, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Волгоградский
государственный университет», заведующий
кафедрой социологии

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова», г. Архангельск

Защита диссертации состоится «23» октября 2025 г. в часов на заседании
диссертационного совета 24.2.331.23 при Московском государственном
техническом университете им. Н.Э. Баумана по адресу: г. Москва, Рубцовская
 набережная, д. 2/18, Учебно-лабораторный корпус, ауд. 720.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Московского
государственного технического университета им. Н.Э. Баумана и на сайте
www.bmstu.ru.

Автореферат разослан « ____ » 2025 г.

Учёный секретарь диссертационного совета 24.2.331.23
доктор философских наук, профессор Нехамкин Валерий Аркадьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена характером динамики современного общества, направленность которой не поддаётся однозначной концептуализации из-за её сложности и противоречивости. Возникает настоятельная необходимость осмыслиения оснований развития общества в условиях усложнения современных социальных процессов, причин появления новых общественных практик, структур и возрастающих в прогрессии рисков. Необходимость комплексного осмыслиения современных социальных тенденций, их причин и поиска способов контроля и управления ими актуализирует задачи обращения к предельным основаниям общественного бытия, одним из которых является социальность. Однако социальность, как и любой общественный феномен, существует в определённых модусах, типах, причём, изменяющихся во времени. Поэтому важным и значимым представляется осмысление типологической дифференциации социальности.

В теоретическом плане актуальность и своевременность проведения типологической дифференциации социальности на базе комплекса философских методов и процедур обосновывается ситуацией, сложившейся в современной социальной теории. В настоящий момент существует множество концепций, претендующих на релевантную презентацию современного общественного развития, в своём большинстве основательно и адекватно описывающих характеристики и тенденции социальных изменений современности. Но в силу преобладающей прагматической и дисциплинарной направленности эти концепции часто не охватывают общественное бытие в его целостности, учитывают только тенденции развития, но не социокультурные основания.

В решении социальных вопросов часто прибегают к использованию предельного понятия «социальность», в объём которого попадет как широкое категориальное, так и узкодисциплинарное содержание, что создаёт определённый конфликт и требует уточнения и междисциплинарной синхронизации.

Причём, важно учитывать, что «социальность» – это категория, требующая методологической чувствительности к динамике своего референта, к его структурным и конфигуративным изменениям, новым формообразованиям. Именно с данным требованием в современных социальных теориях часто наблюдается недостаточность, поскольку понятие «социальность» либо используется как инварианта, либо с недостаточно выявленным динамическим аспектом, из чего понятно, почему оно не становится опорой для исчерпывающего социального объяснения. Понятие «социальности» требует экспликации, вбирающей в себя и определённое постоянство, инвариантность отношений индивида и общества как части и целого, детерминирующие социальную типологию, и, в то же время, изменчивость этих типов, детерминирующую вектор общественно-исторического развития. А также условия их взаимных переходов друг в друга, циклически повторяющейся динамики.

В практическом плане актуальность и своевременность проведения исследования типологической дифференциации социальности обусловлена требованиями ответов на внешние и внутренние вызовы российской политики и задач

социального развития. Эти задачи многообразны и различаются по важности и широте охвата, от поиска оснований российской макроидентичности до повышения легитимации власти и уровня гражданского участия. Каждая из них имеет свою дисциплинарную направленность и инструменты решения, однако определённость в вопросе о типологии и социокультурных и нормативных основаниях российской социальности могли бы существенно помочь в решении большинства из них. Фактически, к решению вопроса о типологии российской социальности сводятся любые фундаментальные теоретические и практические вопросы развития общества, что делает его актуальной проблемой национальной безопасности.

Кроме того, существует множество проблем, связанных с экзогенными вызовами, глобализацией, глокализацией, при практическом решении которых нужно понимать, к какому типу социальности относится общество, и как именно оно реагирует на внешние вызовы, в чём состоят риски его развития. При ошибочном решении этого базового вопроса речь идёт не только о неэффективности внутренних модернизационных начинаний, а о рисках цивилизационного масштаба.

В ряде современных социальных теорий и концепций ревизии подвергаются характеристики взаимоотношений индивидов и общества, ценностные основания и цели социального развития, возможности устойчивости и функционирования социальных структур и институтов. В условиях роста противоречия и нестабильности понимание того, на каких основаниях общество и индивиды как его составляющие могут продолжить устойчивое развитие, актуализация социально-философского рассмотрения социальности (анализа её как феномена и изучение её модусов, типов, конфигураций, профилей и формообразований) является как никогда своевременной и практически необходимой.

Для российского общества проблема типологической дифференциации социальности, пожалуй, является одной из самых важных социально-философских проблем. Её решение имеет весомую инструментальную, экзистенциальную и социальную значимость, особенно в современной общественно-политической ситуации.

Инструментальная значимость связана с современной прагматикой общественно-политической жизни российского общества, когда с повестки дня не сходит вопрос о российском государстве и обществе как особой самостоятельной цивилизации, имеющей собственное место в многополярном мире и раскрывающей дальнейшие устойчивые способы развития.

Экзистенциальная значимость проблемы обусловлена ситуацией нашего времени и теми вызовами и угрозами, с которыми сталкиваются индивиды как социальные субъекты в процессах коммуникации, а также при оценке событий, явлений и процессов, происходящих в глобальном мире.

Социальная значимость проблемы типологической дифференциации социальности связана с необходимостью развития российского общества как целостного системного образования, где коллективные и общественные идеалы и проекты гармонично и непротиворечиво сбалансированы с личностными целями индивидов как общественных субъектов, где коммуникация между людьми устойчива и строится на взаимном уважении их прав и свобод, а социальные институты и структуры функционируют стablyно, поддерживая социальный порядок и идею общего блага.

В условиях глобальных столкновений культур скрываются явные и скрытые угрозы, навязывая формы и темпы развития, глобальная культура дезорганизует российское общество, увеличивая для него риски энтропии. При этом внешние вызовы порождают внутренние проблемы российского общества – поиск безотлагательных ответов на них. Чаще всего для адекватных ответов недостаточно простого подтягивания социальных институтов и технологических практик до международного уровня, они инспирируют решение задач цивилизационной глубины и ставят перед Россией выбор дальнейших траекторий развития.

Актуальные для россиян вопросы идентичности, ценностных и нравственных ориентаций на коллективизм или индивидуализм, приоритета личного или общественного так или иначе отсылают к необходимости исследования типологии российской социальности, её компаративистике в отношении социальности других культур и цивилизаций, выделение черт самобытного и типичного в её структурных, функциональных и динамических характеристиках.

Большинство современных концепций модернизации признают приоритет органического развития общества над революционным и радикальным. Однако даже для эффективного органического развития требуется понимание возможностей социальных субъектов и логики дальнейшей социальной динамики, для того чтобы модернизация не противоречила принципу «не навреди». Именно эта необходимость порождает актуальность философского исследования типов социальности в России, поскольку для каждого из них существует собственная логика и мера развития, нарушать которую небезопасно.

Учитывая вышесказанное, тема данного социально-философского исследования – «Типологическая дифференциация социальности в современном российском обществе» – представляется весьма актуальной, своевременной и значимой как для современной философии, социальной теории и корпуса социально-гуманитарных наук, так и для решения практических задач, стоящих перед современным российским обществом.

Степень разработанности проблемы типологической дифференциации социальности в современном российском обществе можно охарактеризовать как недостаточную, даже несмотря на то, что поиск философских оснований общественной жизни актуализировался ещё в Древнейшей и Античной греческой философии, а рефлексия над путями развития общества стала краеугольным камнем построения учений в отечественной философии. Этот парадокс связан с тем, что исследование и философская проработка типологической дифференциации социальности требует применения специфического методологического и концептуального аппарата, появление, создание и оформление которого стало возможным лишь в XX веке. Тем не менее, предыдущие размышления и исследования в зарубежной и отечественной философии являются, по нашему мнению, ценными, так как они тем или иным образом заложили фундамент описания социальности, способствовали пониманию природы отношений между индивидами, общностями, коллективами и обществом в целом, а также позднее – содействовали раскрытию качественных характеристик, свойств, профилей, конфигураций и формообразований социальности.

В качестве непосредственной предпосылки проблемы типологической дифференциации социальности нужно назвать деятельность двух интеллектуальных гениев – Платона и Аристотеля – которая фактически является отправной точкой развития двух линий, двух долгосрочных программ социально-философской рефлексии над проблемой идеального устройства общества. При этом на всем протяжении развития философии эти линии-программы, то расходятся, то вновь сближаются между собой.

Первая программа-линия реализовывалась в виде описания наилучших возможных форм устроения общества. Если первоначально учения о проектах общественного устройства носили явно утопический характер («Утопия» Т. Мор, «Город солнца» Т. Кампанелла, «Новая Атлантида» Ф. Бэкон), то позднее они стали постепенно претендовать на научность, обретая системность и рациональность, социально-политическую окрашенность и становясь, в свою очередь, основой новых идеологий, концепций и теорий (утопический социализм К. А. де Сен-Симона, позитивизм О. Конта, индивидуалистический анархизм П.-Ж. Прудона, коммунизм К. Маркса и Ф. Энгельса). Так, например, появилась теория социальной солидарности (О. Конта, Л. Буржуа, С. Бугле, Л. Дюги, Э. Дюркгейм), при этом Э. Дюркгейм говорил о механической и органической солидарности как о двух её формах. В России на теорию социальной солидарности опирались такие мыслители как М.А. Бакунин, Л.И. Мечников, Н.К. Михайловский, П.А. Кропоткин, М.М. Ковалевский, П.Л. Лавров.

Вторая линия-программа связана со стремлением выявить наиболее эффективные основания коммуникации между членами общества, причём наиболее часто, вплоть до наших дней, в качестве таковой принимается принцип справедливости (К. Маркс, А. Рэнд, создательница версии объективизма как философии рационального индивидуализма, Дж. Ролз, автор теории перераспределения преимуществ и доходов, М. Дж. Сэндел, сторонник коммунитаристской этики, наконец, Л. Болтански и Л. Тевено, использовавшие, подобно Августину, метафору «Града» для построения моделей коммуникаций, ориентированных на справедливость, в пространстве социальности современного общества).

Безусловно, по представлениям современного человека справедливым является такое устройство общества, где основанием социальности выступает правовая нормативная система. В социальной и политической философии такая форма устроения общества была разработана и легитимизована в теории общественного договора. Её основателем можно считать Гуго Гроция, который возникновение государства связывал с коллективистской природой человека. Идеи общественного договора были развиты в трудах Дж. Локка, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, а также И. Канта, считавшего главной социальной задачей созидание общества на основе достижения всеобщего правового гражданского состояния. Г.В.Ф. Гегель в своей идеалистической теории утверждал, что единение общества и развитие государства возможно тогда, когда национальный дух воплощается в государстве как вне моральной, но действительно истинной нравственной жизни. Позднее эту идею подхватил и переосмыслил русский гегельянец А.И. Ильин.

Развитие русской философии изначально было связано с осмысливанием теологических и морально-религиозных проблем. Но начиная с конца XVIII века в

России стали появляться последователи европейских философов, а после 1812 года в России появился целый спектр философских учений, которые вступали друг с другом в полемику и противоречия. Наиболее известным является социально-политическое разделение на западников и славянофилов, произошедшее после обнародования «Философических писем» П.Я. Чаадаева. Западники прониклись европейскими идеями Просвещения, разделения властей, конституционности, республиканизма, отмены крепостного права, а со второй половины XIX века – идеями позитивизма, анархизма, социализма и коммунизма, в которых не последнюю роль играли мотивы солидаризма и коммунитаризма. Славянофилы, критикуя механицизм и индивидуализм Запада и видя идеал общественных отношений в русской крестьянской общине, предложили и обосновали собственную теологическую версию коммунитаризма – соборность как идею консолидации членов общества на основе взаимодействия в духовной (религиозной) жизни людей под эгидой церкви (А.С. Хомяков).

Идея В.С. Соловьева об органическом единстве человечества (и всего мирового бытия) на основе любви к Богу (единство богочеловечества) стала основанием учения о положительном всеединстве. Взаимное проникновение при формировании единства его составляющих происходило при сохранении индивидуальности этих элементов. Уже в XX веке это историософское учение развивали Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Л.П. Карсавин, П.А. Флоренский. С.Л. Франк в своей версии философии всеединства интегрирует процессы познания мира и единения человека с ним с помощью интуиции. Им постулируется единство реального мира, что становится духовным основанием развития общества и оформлением соборности, когда в ядре общества первоначально враждующие индивидуальные «я» сливаются в единое «мы».

В ходе работы рассмотрение социальности как объекта изучения социальной философии потребовало привлечения теорий, разработок, концептуальных схем и идей таких мыслителей и исследователей, как: П. Бергер, Э. Блох, Д. Блур, Ж. Бодрийяр, Р. Боуэн, М. Вебер, А. У. Гоулднер, Э. Гуссерль, Э. Дюркгейм, Т. Кун, Д. Лукач, Дж. Мейер, Р. Мертон, П. Наторп, Д. Норт, Т. Парсонс, П. Рикёр, Г. Саймон, П.А. Сорокин, О. Тоффлер, Дж Хасс, А. Уайтхед, П. Фейерабенд, А. Щюц, а также А.А. Аузан, Ф.И. Гиренок, П.К. Гречко, А.А. Гусейнов, В.В. Ильин, Э.В. Ильинков, И.Т. Касавин, В.Е. Кемеров, Ю.С. Моркина, К.С. Пигров, И.А. Шмерлина и др. Одной из центральных работ в современной отечественной философии по построению и исследованию теории социальности является труд «Социальное: истоки, структурные профили, современные вызовы» под общей редакцией П.К. Гречко и Е.М. Курмелевой.

Анализ особенностей проблематизации, генезиса представлений о феномене социальности в социально-философском знании и сопряжённых проблем связанны с именами таких мыслителей и исследователей, как: П. Бурдье, Э. Гидденс, Б. Латур, Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, Р. Робертсон, Д. Ритцер, М. Фуко, Ю. Хабермас, а также В.Н. Белов, А.О. Бороноев, Д.Г. Евстафьев, А.А. Ивин, В.И. Пржиленский, И.В. Пржиленский, А.Н. Чумаков и др.

Различные репрезентативные модели современного социума и связанные с ними процессы в обществе анализировали П. Андерсон, У. Бек, А. Горц, Ги Дебор,

Ж.-Ф. Лиотар, Э. Тоффлер, О. Шварц, Д. Харви, а также И.Ю. Алексеева, В.И. Аршинов, Н.Б. Афанасов, Н.Г. Багдасарьян, И.С. Бакланов, Д.В. Богданов, Н.А. Бортников, Н.Н. Губанов, Н.И. Губанов, Т.В. Душина, Е.Н. Ивахненко, В.А. Иноземцев, В.Ю. Ивлев, М.Л. Ивлева, А.Л. Кравченко, И.Ю. Романов, А.В. Павлов, В.П. Седякин, А.Л. Стризое, О.Ю. Рыбаков и др.

Проблемы сложности формирования и специфики использования понятия социальности в теориях общественного познания рассматривали З. Бауман, Ж. Бодрийяр, Ф. Варела, Э. Дюркгейм, Ж. Делез, Ф. Гваттари, Э. Гуссерль, Б. Латур, Н. Луман, У. Матурана, Т. Парсонс, Ф. Теннис, а также П.К. Гречко, А.Н. Леонтьев, И.А. Маврина, К.Х. Момджян, Л.И. Пахарь, М.М. Плоткин, В.М. Розин, А.Ф. Филиппов и др.

Методологические стратегии исследования феномена социальности современного общества разрабатывались и применялись на основе подходов и концептуальных схем, используемых в работах таких обществоведов, как: Ф.Р. Анкерсмит, П. Бергер, Т. Лукман, Г. Блумер, Г. Гарфинкель, И. Гофман, Э. Доманска, Дж. Дуглас, Б. Латур, Дж.Г. Мид, Д. Норт, Р. Ритцер, Й. Рюзен, П.А. Сорокин, Х. Уайт, Ю. Хабермас, А. Шюц, С. Ян, а также С.А. Авакьян, Т.И. Адуло, А.В. Алексеева, Т.А. Гужавина, В.Н. Даренская, О.И. Ефимов, Е.А. Лопатин, Ю.М. Резник, Л.И. Рогачева, Ю.А. Чеботарев, Т.Ю. Чеснокова и др.

Экспликацию онтологических и структурно-функциональных профилей коллективизма и индивидуализма как типов социальности возможно произвести обращаясь к трудам и работам таких исследователей, как: З. Бауман, М. Беннет, П.А. Давид, Ж. Делез, М.А. Кинтанилья, К.Р. Поппер, П. Рикёр, Ф. Тённис, Т. Парсонс, Э.Т. Холл, а также Г.М. Андреева, А.А. Аузан, Ф.И. Гиренок, И.В. Дикова, С.Г. Елизаров, А.Д. Зарецкий, И.П. Ильин, В.Е. Кемеров, Н.В. Ким, С.Г. Кирдина, А.Г. Круглов, И.А. Кох, Д.Е. Краснопольский, С.В. Лещёв, А.С. Маркова, Г.И. Мамукина, И.М. Наставин, Н.И. Петев, Л.Р. Петрова, А.Д. Похилько и др.

Ценностно-нормативную систему как базис и регулятор социальности возможно исследовать, обращаясь к идеям таких учёных, как: У. Бек, М. Маклюэн, К. Фиоре, И.С. Акулова, С.С. Антюшин, Л.В. Баева, А.С. Вилкова, П.К. Гречко, М.А. Гнатюк, А.В. Назарчук Е.В. Ореховская, В.М. Розин и др.

Историческое сознание и социальный капитал как регуляторы социальных процессов и социальности рассматриваются в различных аспектах в трудах и работах таких исследователей, как: М. Арчер, Э. Гидденс, Р. Дарендорф, Д. Лакапра, Н. Смелзер, П. Штомпка, Ф. Фукуяма а также Н.Ш. Агзамова, Д.А. Аникин, Е.В. Анисимов, А.В. Апанасенок, А.С. Ахиезер, В.Б. Белов, Л.А. Булanova, А.М. Бурчалкина, Д.В. Ефременко, Л.Г. Ионин, А.А. Каныгина, В.В. Кривошеев, Д.Ю. Кочергин, М.Е. Куликова, А.Н. Ланьков, С.А. Ларионова, В.А. Лимонов, В.Г. Немировский, А.С. Панарин, Л.И. Пархоменко, В.Я. Пропп, Р.Н. Полищук, В.О. Пяткова, Э.О. Расина, Е.Я. Режабек, И.А. Славкина, Ж.Т. Тощенко, М.М. Шахнович, А.А. Шматъко, С.А. Черных, Ж.В. Яковleva и др.

Философские рецепции и изучение макроидентичности и культуры как основания социальности базируются на идеях Г.В.Ф. Гегеля, И.Г. Фихте, Э. Дюркгейма, Г. Лебона, а позднее различным образом производилось такими

учёными, как: Р.Ф. Баумейстер, К. Вельцель, Р. Давид, К. Жоффре-Спинози, Р. Инглхарт, Х. Йоас, Р. Леже, М. Мерло-Понти, Д. Норт, а также А.В. Агеев, Н.Л. Антонова, А.Г. Бусыгин, А.И. Бобков, Г.В. Вержибок, А.Д. Говорова, В.П. Гриценко, О.А. Ивенкова, Ф.М.О. Кулиев, Д.В. Маслов, М.Г. Руднев, В.А. Ядов и др.

Анализ и экспликация социокультурных оснований российской социальности производилась такими на основе идей и практических наработок таких исследователей, как: Д. Майтри, Т. Брэдли, К. Менгер, Х. Уэрта де Сото, Г. Хоффстеде, а также А.Л. Анисин, Е.А. Бренделева, Д.Р. Вализаде, Н.В. Зубаревич, П.В. Калитин, В.В. Кириенко, Ю.В. Латов, В.М. Полтерович, И.А. Руденков, А.В. Селезнева, А.В. Тарасов, Н.Е. Тихонова, О.В. Хомяков и др.

Особенности российского нормативного сознания как основания социальности анализировали: А.А. Аузан, П.В. Дмитриева, Т.Ф. Ермоленко, К.Ю. Ерусалимский, А.П. Заостровцев, В.В. Жидиков, Л.А. Жукова, Ю.Е. Игнатова, С.В. Келеман, И.М. Клямкин, В.В. Лапкин, О.Ф. Лобазова, Т.А. Нестик, В.А. Нехамкин, Е.А. Окладникова, Г.Х. Попов, В.Я. Романченко, А.Н. Тальцева, Г.К. Триандис, Е.С. Сенявская, О.А. Стойко, В.А. Шведов, М.В. Филев, М.А. Филобок и др.

Циклические смены социальности в динамике российского общества, а также проблемы и перспективы развития современного российского общества в концепции циклической смены социальности рассматривали: Т.Н. Бялюк, Е.Ш. Гонтмахер, Е.А. Гулянская, М.Е. Денищенко, Д.А. Егорченков, С.Ю. Евдокимов, А.А. Зорина, Л.А. Иткулова, Г.Ю. Канаарш, В.В. Ключков, Ю.С. Кудряшова, Н.М. Лебедева, Ю.М. Лотман, В.К. Малькова, А.В. Матюхин, Э.А. Паин, В.И. Пантин, В.В. Рытиков, А.А. Ткаченко, Д.Б. Эпштейн, Е.Г. Ясин и др.

Анализ представленных трудов показывает, что при достаточно широкой и разноплановой разработанности вопросов социальности, в них не прослеживается достаточно динамического аспекта, то есть, не показана изменчивость феномена социальности. Также обнаруживается недостаточность исследований по типологизации российской социальности, чаще всего российское общество воспринимается как коллективистское по умолчанию, без доказательств, хотя это дискуссионно, оно демонстрирует и черты коллективизма, и черты индивидуализма, и эти характеристики меняются во времени.

Для российского общества, в котором проблема резкого, революционного социального изменения за последний век остаётся в высшей степени актуальной, вышеописанная недостаточность инспирирует научный поиск типологических оснований социальности в русле социально-философского знания.

Теоретическую основу диссертационной работы составили отечественные и зарубежные теории и концептуальные схемы как классической, так и неклассической социально-теоретической и философской мысли по проблемам социальности и структурно-функционального устройства общества. Из всего массива источников, повлиявших на данное исследование, следует выделить:

1. Системы немецкой классической философии, прежде всего, И. Канта, трансцендентальная аналитика которого оказала прямое воздействие на европейский субстанционализм в социальных теориях и стала точкой отсчёта для

появления несубстанционалистских объяснений социальности.

2. Марксизм (К. Маркс, Ф. Энгельс, а также советские марксисты) обосновавший возможность существования и функционирования общественного сознания, на которую опирается автор данного исследования;

3. Феноменологию Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, из основных положений которой следует, что социальность в значительной степени такова, каковой она признаётся обществом и распознаётся им. Смысл социальности не трансцендентен, а имманентен по отношению к общественному сознанию. Социальность существует интерсубъективно, как система предельных смыслов общественного бытия, осмыслиемого через темпоральный опыт прошлого, настоящего и будущего. Той же цели служило привлечение в исследовании концепций социальной реальности А. Шюца и П. Бурдье, показавшие, что социальность – не просто феномен, а процесс постоянного поддержания этого феномена.

4. Концепцию социокультурной динамики П.А. Сорокина, переработанную и переосмысленную плеядой отечественных представителей социокультурного подхода в социально-гуманитарных науках: А.С. Ахиезером, А.И. Ракитовым, Н.И. Лапиным, И.М. Клямкиным и др.

5. Теорию делиберативной демократии Ю. Хабермаса, повлиявшей на понимание того, каким образом в обществе строится, функционирует и поддерживается не только политическая повестка, но и связанная с ней социокультурная, в том числе, коллективная идентичность, через которую формируется социальность определённого типа.

6. Концепцию герменевтики (Х.Г. Гадамера) и философии языка в историческом познании (Х. Уайт), а также постмодернистские концепции (Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотара), анализ дискурсивных практик (М. Фуко), благодаря которым проблемы социальности во многом были поняты автором как проблемы нарратива, исторической, эстетической и культурной презентации.

7. Теорию метаистории Й. Рюзена, теорию социальной структурации Э. Гидденса в которых историческое сознание показано как социальный регулятор и инструмент детравматизации и когнитивной рефлексивности общества, а также исследования социальной травмы и её культурных и политических последствий П. Штомпки.

8. Структурно-функциональный анализ Т. Парсонса, который был задействован при выделении нормативных оснований социальных структур, институтов.

9. Институционализм Д. Норта и, в российском варианте, А. А. Аузана позволил показать возможности и ограничения группового действия и управления социальными институтами, для этой же задачи была привлечена также теория культурного лага У. Огборна.

10. Акторно-сетевую теорию Б. Латура, которая была задействована в критике современных концепций социальности и при выявлении проблем определения концепта социальности.

11. Типологическую концепцию культурных изменений Г. Хоффстеде, которая использовалась при определении типа социальности в России; тем же задачам служили аксиологические карты Р. Инглхарта и модель низкоконтекстных/высококонтекстных культур Э. Холла.

12. Теории социального капитала П. Бурдье, Дж. Коулмана, Р. Патнэма позволили выделить основной ресурс и способы функционирования нормативного сознания и распределения социального доверия в разных типах социальности.

13. Концепция антихрупкости Н. Талеба, благодаря которой удалось связать ценность стандарта в российском обществе с ценностью адаптивности к постоянным типологическим изменениям социальности.

В разных аспектах в исследовании использовались отечественные концепции социальности и общественного развития К.Х. Момджяна, И.Т. Касавина, П.К. Гречко, А.Ф. Филиппова, В.М. Розина, В.Е. Кемерова, Ф.И. Гиренок, К.С. Пигрова, Н.В. Зубаревич, И.А. Шмерлиной и др.

Методологическую основу по причине междисциплинарности составил целый комплекс взаимосвязанных инструментов теоретического исследования, объединённых на основании социокультурного подхода:

– инструментами аксиологического подхода были исследованы ценности разных типов социальности, и их влияние на социальные практики в индивидуализме и коллективизме разных типов;

– с помощью социальной феноменологии изучалась онтологическая природа социальности и особенности её функционирования как социокультурного феномена;

– герменевтический подход использовался как дополнительный инструмент, расширяющий социальную феноменологию в поле анализа дискурсивных и нормативных практик;

– с помощью инструментов институционального подхода были осмыслены различия в структурах индивидуализма и коллективизма как типов социальности, состоящие в разных диспозициях формальных и неформальных социальных институтов, а также функциональные особенности разного вида норм в обществе и роль социальной (институциональной) инерции в функционировании нормативного сознания;

– в диссертации была использована концепция марксистской диалектики, в том числе, к объяснению некоторых социальных закономерностей был привлечён принцип так называемого «кольцевого детерминизма» как многократной взаимной обусловленности, детерминированности, социальных явлений и процессов.

– социокультурный подход позволил показать не только тип взаимосвязи личности и общества в каждом типе социальности, но и выделить существенные структурные отличия за счёт различной социальной динамики в разных типах коллективизма и индивидуализма, а также показать, как влияет на социальную динамику коллективизация или индивидуализация общества.

В работе к решению разных задач был привлечен широкий спектр общенаучных формально-логических методов: анализ, синтез, индукция, дедукция, компаративистский анализ, абстрагирование, восхождение от абстрактного к конкретному и др. При анализе российской социальности большое внимание уделяется не только структурно-функциональному, но и динамическому аспекту.

Объект исследования: социальность как общественный феномен.

Предмет исследования: типы социальности в современном российском обществе.

Цель исследования: определить основания типологической дифференциации социальности современного общества и выявить регуляторы и специфику динамики современной российской социальности.

Задачи исследования:

1. Уточнить особенности проблематизации, концептуальные основания, и генезис представлений о феномене социальности в социально-философском знании.
2. Показать основные концептуальные и методологические проблемы и сложности использования понятия социальности в социально-теоретической мысли.
3. Обозначить с учётом выявленных противоречий основные методологические стратегии исследования феномена социальности в современном обществе.
4. Выявить функциональные механизмы ценностно-нормативной системы как основания типологизации социальности в современном обществе.
5. Установить особенности механизма регуляции социальности через историческое сознание и социальный капитал.
6. Эксплицировать структурные и функциональные особенности феномена макроидентичности как культурного основания социальности.
7. Выявить социокультурные и ценностные особенности современной российской социальности.
8. Выяснить особенности нормативного сознания современного российского общества, а также их влияние на типологию российской социальности.
9. Обнаружить циклические смены коллективизации и индивидуализации как типов социальности в современном российском обществе.
10. Определить функциональные проблемы социальности и возможные перспективы, стоящие перед сегодняшним российским обществом.

Гипотеза исследования: в диссертационной работе выдвигается и обосновывается гипотеза о том, что в российском обществе сложился уникальный тип социальности, не относящийся ни к западному индивидуализму, ни к восточному колlettivизму. Эти различия строятся на самобытных российских аксиосфере и нормативном сознании, отличающихся высокой динамикой и адаптивностью, готовностью к постоянным изменениям и, соответственно, сниженной ценностью стандарта. От западного индивидуализма российская циклически сменяющаяся социальность отличается повышенной значимостью неформальных норм и снижением ценности формально-правовых норм, то есть малым удельным весом права в структуре нормативного сознания. От восточного колlettivизма, российская социальность, наоборот, отличается недостаточной социорегулирующей ролью неформальных норм. В российском обществе не существует единого нормативного регулятора и стабилизатора социальности: ни формальные, ни неформальные нормы не могут достигать этого эффекта, за счёт чего происходят персонализация власти и снижение роли институционального регулирования, которые обеспечивают адаптивность социальной трансформации при резких циклически повторяющихся процессах смены индивидуализации и колlettivизации.

Подтверждение данной гипотезы определило и содержательную логику построения работы: от рассмотрения социальности как феноменального объекта с подбором соответствующего ему методологического комплекса (первая глава) к социально-философскому исследованию собственно феномена социальности, его структурно-функциональных и динамических аспектов (вторая глава). И только затем – фокусировка на изучении российской социальности через призму полученных выводов и положений (третья глава).

Научная новизна полученных в ходе диссертационного исследования результатов заключается в следующем:

– социальность впервые исследуется как вариативный, изменяющийся с течением исторического времени феномен, онтологическая система, несубстанционалистского, интерсубъективного характера, зависящая от ценностно-нормативных детерминант общественного сознания и типологизирующаяся по степени автономности социального субъекта;

– показаны в авторской интерпретации концептуальные сложности исследования социальности, связанные с предельным характером и экстраполитическим, дорефлексивном уровне объективации, понятийной недоопределенностью и широким содержательным диапазоном; стратегии их разрешения связаны рационализацией сознания, переводящей представление о социальности как инварианте в её презентацию как культурно обусловленного динамичного феномена;

– предложено новое обоснование методологической релевантности социокультурного подхода, в котором раскрывается зависимость типа социальности от изменения норм и ценностей, учитываются институциональные различия социальности на разных уровнях общественного бытия (формальных и неформальных институтов) и разработаны инструменты для отражения диахронной динамики, степени согласованности/ противоречивости этих уровней, соединяющихся в социальной норме и нормативном сознании;

– выявлено, что в современном обществе социальная норма выступает функциональным механизмом как формирования и поддержания типа социальности, так и его изменения: она легитимирует или разрывает традицию автономной в индивидуализме и гетерономной в колLECTIVизме детерминации сознания социального субъекта, отвечает за распределение субъектности в социальных структурах; стабильная социальность требует согласования формального и неформального уровня социальных норм;

– впервые установлено, что для успешного функционирования феномену социальности требуются легитимация, поддержание и налаженные механизмы регуляции: в современном обществе таким рациональным механизмом легитимации является историческое сознание – многофункциональный «кризисный» тип сознания, производящий также рациональную процедуру детравматизации общества, компенсируя культурные разрывы;

– обнаружено, что макроидентичность в современном обществе оказывается интегральным выражением легитимации социальности, активной смыслопорождающей конструкцией, призванной обеспечить меру упорядоченности традиций-инноваций в общественном сознании и механизм декодирования ценностных идеалов в нормативные и организованные способы их достижения;

— выявлена противоречивость социокультурного основания российского общества, заложенная предыдущими социальными травмами революционного исторического развития, создававшими разрывы как с коллективистской, так и с индивидуалистической традицией, на основании чего обоснована собственная авторская гипотеза, что в самобытном российском обществе ни коллективизм, ни индивидуализм не являются базовыми типами социальности, а возникают циклически, в ответ на экзогенные и эндогенные политические вызовы;

— по-новому аргументирована уникальность российского нормативного сознания, не имеющего устойчивого приоритета формальных или неформальных норм по западному или восточному типу, оно циклично и подвержено чередованию детерминированной гетерономно коллективизации и автономно — индивидуализации, причём, во время первой происходит перенос центра тяжести на религиозные или мифологические нормы, во время вторых — на право и правосознание; религиозные и правовые нормы детерминируют уровень дистанции власти, способы легитимации власти, моральные нормы производят их легитимацию в неформальных практиках повседневности;

— обнаружены особенности российской социальности, заключающиеся в циклической индивидуализации по самобытному незападному типу, демобилизационного характера (с периодической ориентацией на западные ценности, но напрямую не зависимые от них), чередующиеся с периодами коллективизации не по-восточному, а по самобытному российскому типу, мобилизационного характера, при этом впервые показано, что и коллективизация, и индивидуализация в российском обществе имеет лимит исторического времени, по прошествии которого сменяются противоположной фазой цикла с соответствующей ценностной переориентацией;

— аргументировано, что стабилизация внутреннего состояния общества, снижение резкости смены типов социальности, поможет преодолеть эти сложности ответов российского общества на внешние и внутренние вызовы, снизить риски, увеличить горизонт планирования и сделать развитие России более предсказуемым и эффективным в интересах национальной безопасности.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проблематизация социальности как объекта прошла путь от первых эссециалистских рефлексий индивидуализма эпохи Модерна, сфокусированных на правовых идеях свободы и транзиции капитализма от колониально-монополистических к демократическим формам, через антропологический поворот, до современных феноменологических представлений о социальности как особой интерсубъективной системе человеческой совместности, основанной на общей смысловой перспективе, опыте, упорядоченной коммуникации и самовоспроизводящихся социальных структурах. Социальность выступает точкой отсчёта любого общественного явления, в самом общем смысле это способность индивидов обретать коллективную субъектность, функционирующую в различных формах. Типологизируют социальность по самому фундаментальному показателю, объединяющему все другие: это степень автономности индивида от общества. Всё множество исследовательских стратегий распадается на субстанционалистские и несубстанционалистские. В институциональном ракурсе социальность есть

самовоспроизводящаяся система институтов, связанных нормативно-ценностным содержанием. В коммуникативном подходе это продукт системы коммуникаций, детерминирующий сознание совместный опыт и общая смысловая перспектива, условно демаркируемая от ценностного «кода» культуры. Деятельностный подход ориентирован на динамическую составляющую и описывает социальность как возникающий результат общего целеполагания и реализации этих целей. В феноменологии социальность – интерсубъективно ощущаемый и переживаемый феномен совместности, детерминирующий «когнитивный стиль», границы и специфику осмыслиения коллективного опыта.

2. Социальность как ненаблюдаемый объект чрезвычайно сложна для изучения. Её основание в разное время фундировали идеей свободы человека, идеей рациональности, справедливости и Модерна или индустриализма (экономикоцентризм). Однако ни одна из них не является исчерпывающим критерием социальности, хотя каждая выражает ценностные проекции социальности на тип культуры и стадии её развития. Несостоятельность субстанционализма преодолеть трудности определения социальности порождают явные и неявные следствия. Явные выражаются как переход к более содержательным и операциональным понятиям: социальная система, социальная структура и пр. Неявные – обращение к социальности как концепту «по умолчанию», без определения, выходящего за границы субстанционалистского формата. За понятием «социальность» скрывается одновременно два различных уровня бытия: некая «субстанция» (особая социальная реальность) и движение несубстанциональных элементов (феноменов сознания). Если концентрироваться на одном из этих уровней, социальность как система исчезает. Если полагать её объективно существующей субстанцией, она теряет динамику и способность изменяться, но, если считать её чем-то невещественным, социальность становится практически невозможно обнаружить. Недоопределённость понятия социальности чаще всего приводит к тому, что этот феномен используется конвенциально, по внутриdisciplinarnой договоренности. Понятие о социальности чаще всего используется в бинарной паре «антропологическое-социальное» или в антитезе «социальное-культурное».

3. Социальность имеет корреляцию с ценностно-нормативным профилем общества, поэтому её изучение требует ценностно-восприимчивого инструментария, настроенного на культурно-исторические параметры социальной динамики, включая рационально-когнитивную, технологическую и политическую составляющие. Социокультурный подход необходим для понимания того, как влияет тип социальности на скорость общественных изменений, а также установления их причины. Общество (социальные структуры) и культура рассматриваются как имеющие разную скорость изменений. Они не идентичны как в структурно-функциональном, так и в динамическом планах. Социокультурный подход связывает антропологическое и социальное через норму, нормативное сознание и естественные механизмы нормообразования в обществе, показывая постоянный переход нормы из антропологически-индивидуального в социально-типичное изменение через присвоение/отчуждение нормы. А также реактивное и проективное уравновешивание этих процессов в ценностной системе культуры.

Продуктивной является теория коммуникативного действия, центральным понятием которой считается коммуникативный разум. Так снимается противоположность между индивидуализмом и коллективизмом (коммунитаризмом), таким образом, что они не противостоят друг другу, а включены друг в друга. При этом социальное целое связывается не с классической идеей «общего блага», а с делиберацией. В авторском интегративном подходе коллективизм или индивидуализм оказываются не существенными формами, а ценностно-нормативными идеалами, транслируемыми в социальных практиках. А иногда даже и эпифеноменами, возникающими при распределении связей между элементами социокультурной системы, обеспечивающим её устойчивость.

4. Все изменения социальных структур происходят через трансформации социальной нормы. Норма, как кодифицированная связь человека и общества, изменяет не только отношения между людьми, но и отношения части и целого, то есть, создаёт или элиминирует автономность индивида, детерминирующую тип социальности. В динамике «социальное» и «антропологическое» не просто противостоят друг другу, они то приближаются, то удаляются, и это порождает новые ракурсы понимания связи «общество-человек». Исторически каждое общество многократно проходит стадии транзиции от коллективизации к индивидуализации и обратно. Происходит это через смену детерминации нормативного сознания. В коллективизме преобладает внешняя, гетерономная детерминация сознания индивида неформальными нормами, отчуждение социальной субъектности. В индивидуализме преобладает автономная, внутренняя детерминация, самостоятельное обретение индивидом субъектности, закрепленная в формально-правовой норме. Онтологически социальность как феномен существует на двух разных уровнях общественной жизни. Первый – это уровень институтов и крупных социальных структур, где нормы обретают интерсубъективный и прескриптивный по отношению к индивиду характер. Второй уровень – это сознание индивида, в котором происходит интериоризация и легитимация норм, самодетерминация. Согласованность формальных и неформальных норм определяет как функциональный и структурный, так и динамический аспекты существования социальной системы. Нельзя однозначно отождествлять индивидуализацию с прогрессом, а коллективизацию с архаизацией только на примере европейского Модерна. Современные страны Востока показывают впечатляющие успехи модернизации, совершённые на ресурсе коллективизма. И коллективизм, и индивидуализм обладают собственным ресурсом социальных изменений.

5. Регулирующая роль исторического сознания в отношении социальности становится заметной, если исследовать социальность в феноменологическом формате, то есть, не как сущность, а как процесс, требующий воспроизведения и поддержания. Социальность создается не сама по себе, её производят коллективный агент (субъект), действующий в поле структурных опций. Макроидентичность обеспечивает преемственность социальности через историческое сознание. Изменчивость социальности происходит с помощью социальной травмы, нарушающей согласование формальных и неформальных норм, влекущее за собой необратимый разрыв с традицией. О смене социальности можно говорить тогда, когда производится необратимая массовая смена формальных практик на

неформальные и наоборот. Социальный миф, возникающий как последствие социальной травмы, представляет собой цельную, недискурсивную структуру мышления, разрушить которую можно только рационально, глубокой аналитической рефлексией в рамках исторического сознания. Социальный капитал как функциональный регулятор социальности по форме подразделяется на горизонтальный и вертикальный. Горизонтальный отражает неиерархическую способность к самоорганизации, вертикальный – к установлению иерархии при коллективных действиях. Социальный капитал не распределяется на все социальные институты равномерно, имеет ограниченный радиус распространения. В российском обществе нет дефицита социального капитала, но бондинговый (закрытый, узкогрупповой) тип преобладает над бриджинговым (открытым).

6. Макроидентичность как референтный коллективный образ общества формирует конечный идеал, связывающий разные уровни социальности и обеспечивающий нормативные механизмы инкорпорации человека в систему. Не только идентичность формирует социальность, но и наоборот, это происходит как многократное круговое движение, «кольцевой» детерминизм, согласование и легитимация самопрезентации индивидуальной деятельности и норм, на которых она основана. В сознании людей идентичность представляет собой свершившийся факт, однако она всегда – выбор: следовать или не следовать норме, ведущей к культурной самотождественности в процессе единения с обществом и доверию его идеалам. Однако трансляция на уровне формальных норм ценностного приоритета индивидуального или коллективного может не соответствовать действительному состоянию институтов, выражать не наличие, а желательное состояние, ориентир развития и внутрикультурную цензуру. С феноменологической точки зрения, общество коллективизма только стремится к коллективизму, а общество индивидуализма – на пути к индивидуализму, даже если оно идёт по этому пути уже давно.

7. Социокультурное основание российской социальности неустойчиво, содержит в себе несколько наборов ценностей, не функциональных в полной мере. Это, во-первых, ценности советского социализма, ассоциируемые с коллективизмом. Во-вторых, набор западных ценностей, ассоциированных с индивидуализмом, частично прижившихся на российской почве. В-третьих, идеологизированный образ «традиционных ценностей», полноценно не работающих в практическом плане, в силу социокультурного разрыва с историческим прошлым. Историческая привычка российского общества не переосмыслять неудачный опыт, а полностью символически обнулять его, порождает разрывы культуры, на формальном уровне норм становящиеся «точкой отсчёта» российской истории, а на неформальном уровне – налагающейся социальной травмой, создающей особый ценностный бэкграунд российского общественного сознания. На протяжении новейшей истории российское общество пережило как принудительную коллективизацию, так и принудительную индивидуализацию, и ни один из вариантов не стал окончательным выбором. Российский индивидуализм столь же непрочен и ситуативен, как и российский коллективизм, возникающий в чрезвычайных ситуациях, под тяжестью грандиозных государственных задач, и столь же быстро распадается, когда внешнее давление исчезает. Ни личное, ни коллективное не исчезает из российского сознания,

периодически становится идеологическим маркером самоидентификации, однако не имеет серьёзного влияния на настоящую самореференцию общества. Сегодня в России существует целая иерархия разных типов жизненного уклада, фундированных разными ценностями и установками, порождающими и транслирующими разный и противоречивый социальный запрос и разные образы настоящего и будущего.

8. На российское нормативное сознание повлияли постоянные попытки аврального догоняющего модернизационного развития, травмировавшие общество и закрепившие как социальную привычку чередования мобилизационной коллективизации с последующими периодами демобилизационной индивидуализации. Этот циклизм заложил в сознании российского общества короткий горизонт планирования, «антихрупкость» (сверхадаптивность), универсальность навыков. Однако сформировал низкую ценность стандарта, проявляющуюся во всех сферах жизни. Нормативное сознание россиян неоднородно: отношение к формальным нормам гораздо более строгое в урбанизированной части России, выше уровень правосознания и ценность стандарта. В сельской и удалённой от центра России ценность справедливости гораздо больше обеспечивается не правосознанием, а религиозной нормой и моралью, склонностью к традиционности. С нормативной точки зрения, Россия не относится ни к восточным вариантам коллективизма, ни к западным вариантам индивидуализма. Индивидуализм предполагает жёсткость исполнения формально-правовой нормы, а закон в России, при всей строгости, имеет недостаточность общественно-нормативных санкций за его нарушение. В основании коллективизма лежит детализированная, обязательная к исполнению неформальная норма, компенсирующая низкую эффективность правосознания. В России абсолютным статусом не обладает ни один из видов норм. Неформальная норма, очевидно, очень сильна в российском сознании, однако её нарушение не санкционируется так, как в восточных странах коллективизма. В этом смысле российское общество обладает уникальной внутренней свободой, однако, эта свобода оказывается на особенностях общественного развития.

9. Крупные волны модернизации в России производились не за счёт ресурса индивидуализации, как на Западе, а за счёт мобилизационной коллективизации, по восточному варианту. В результате сложилась система из чередующихся западных ценностей капитализма и восточного способа мобилизации общества. Параллельно этим циклам меняются политические идеалы социальности – с ценностей коллективизма на ценности индивидуализма и обратно. Нельзя говорить о российском индивидуализме, отождествляя его с западным. Даже не идеализируя западные ценности, российское общество может демонстрировать черты индивидуализма, переживая обусловленный внутренней логикой развития, период деколлективизации. И напротив, никакая идеализация восточных стран не сделает российское общество коллективистичным, не только по восточному типу, но и по самобытно российскому, если для этого нет внутреннего ресурса социального капитала. Индивидуализм и коллективизм в России носят мобилизационный и демобилизационный характер, зависят от степени вовлечённости общества в политический процесс. Коллективизация неизменно, раз за разом возникает для решения важных политических задач в условиях лимита времени. И сама собой

распадается либо при решении задач, либо по окончанию времени и ресурсов. Если индивидуализация длительное время не сменяется мобилизацией, то общественные задачи уже не решаются ресурсами индивидуализма, и такой период становится «застоем», социальной депрессией. Если мобилизационный период не сменяется демобилизацией, происходит чрезмерное напряжение, система начинает работать на пределе и становится хрупкой. Искусственная затяжная мобилизация середины XX века породила глубокий системный кризис 1990-х годов.

10. Процессы глобальной турбулентности порождают неустойчивость и сверхдинамичность, укорачивание горизонта планирования и непредсказуемость. В этих условиях на российское общество ложится двойная нагрузка. Во-первых, внутренние колебания коллективизации и индивидуализации, во-вторых, внешняя нагрузка глобальных волн и ускоряющейся динамики, экзогенные вызовы, далеко не всегда совпадающие с внутренними состояниями накопления и расходования социального капитала, готовностью субъектов к модернизации. Россия как антихрупкая система в ответах на эти вызовы всегда имеет приоритет краткосрочной эффективности перед долгосрочной. Эта особенность не позволяет добиться прогресса в отраслях с высокой ценностью стандарта. Однако обеспечивает высокий инновационный и творческий потенциал и гибкость системы в кризисные периоды. К тому же, «антихрупкость» как гиперкомпенсация работает только тогда, когда у общества есть в наличии свободный ресурс, если же система работает на пределе, то обществу наносится очередная социальная травма, которая неизбежно влечёт за собой тяжелые культурные и социальные последствия. Поэтому накопление ресурса социального капитала, увеличение горизонта планирования, детравматизация и рационализация общественного сознания, относительное горизонтальное «выравнивание» социальности российской периферии по отношению к модернизированному центру, относительное замедление циклического колебания коллективизации и индивидуализации позволило бы экономике России стать эффективнее и стабильнее в развитии и увеличить горизонт планирования, что требуют интересы национальной безопасности.

Теоретическая значимость исследования заключается в возможности при учёте выводов и положений данной работы повышения эвристического и прогностического потенциала социально-философских теорий, оптимизации как в концептуальных схемах, так и в методологических построениях. Так, учёт феномена социальности (его характеристик, особенностей развития, структурации и функционирования) при анализе процессов модернизации, цифровизации или, например, технологизации позволит представить новые данные для осмыслиения и исследования того, как происходит сборка/пересборка общества в современных условиях, то есть как и на каких основаниях выстраиваются отношения между индивидом и коллективами, общностями и сообществами, какие каналы коммуникации между социальными субъектами активизируются, а какие, наоборот, демонтируются, какие социальные институты становятся более значимыми в обществе, а какие входят в стадию дисфункциональности или вообще исчезают, наконец, какие векторы динамики приобретают социальные структуры под воздействием трендов и направленности развития целей и ценностей индивидов и

социальных общностей.

Практическая значимость диссертационного исследования связана с решением задач обеспечения национальной безопасности российского общества, решением проблемы модернизации и устойчивого развития, которые невозможны без понимания социокультурных детерминант общественной динамики, фундирующих любые общественные процессы, особенно связанные с развитием в условиях глобальных рисков и вызовов.

Выводы и результаты данной работы могут использоваться при разработке программ развития человеческого капитала, накопления и распределения социального капитала, обеспечения и исследования легитимации власти, социального контракта, модернизации и технлизации социальных практик. Применение предложенных рекомендаций на разных уровнях государственного администрирования может помочь снизить риски модернизационного развития российского общества как в политической, так и в социокультурной сферах.

Практическое решение проблемы социальности имеет весомую инструментальную, экзистенциальную и социальную значимость, особенно в современной общественно-политической ситуации. Навыки определения типов изменяющейся в российском обществе социальности могут стать важными элементами социокультурных компетенций, требующихся в структурах государственного управления, и позволяют внести вклад в повышение эффективности взаимодействия власти и общества в России. Выводы и результаты работы могут быть использованы в любых проектах, требующих прогнозирования динамики и особенностей развития российского общества, начиная от готовности общества к процессам модернизации, научно-технического развития и реакции на него, заканчивая исследованием российских традиций, способов и целей их возрождения.

Также значимость данной работы определяется возможностью привлечения в высшей школе материалов диссертации в дисциплины социально-гуманитарного цикла: «Философию», «Социальную философию», «Социологию», «Культурологию», «Социальную психологию», «Социальное управление и проектирование» и другие.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Отражённые в диссертации научные положения соответствуют области исследования специальности 5.7.7 – социальная и политическая философия (философские науки), особенно в следующих её пунктах: 5. Сущность и существование социальной реальности как предметообразующая проблема социальной философии. Конструирование и презентация социальной деятельности. 17. Процесс общественного воспроизведения, его типы и механизмы. 28. Общественные отношения как проблема социально-философского анализа. Проблема поиска структурообразующего основания системы социальных связей. 31. Источники и механизмы социокультурного изменения. 32. Формы социальной динамики. Эволюционные и революционные изменения в истории. 48. Социально-философское изучение модернизаций, модерна и постмодерна. Типологии общественно-исторических процессов.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается:

1) широкой теоретической базой, объединяющей основные труды ведущих отечественных и зарубежных специалистов по проблемам социальности; 2) тщательным подобранным методологическим инструментарием, релевантным междисциплинарному проблемному полю, цели и задачам исследования; 3) активным привлечением фактического материала из наук социогумаритарного цикла – социологии, истории России, экономики, экономической географии, подтверждающих представление о ценностно-нормативных основаниях социальности, типологии социальности в России; 4) корректным использованием терминологического аппарата социокультурного подхода и дополняющих его методологических инструментов других подходов. Личный вклад автора состоит в самостоятельном выполнении каждого этапа диссертационной работы, начиная от формулировки целей и задач, заканчивая сделанными выводами и оформлением работы. Автором был освоен, проработан и привлечён в работу целый массив научно-исследовательской литературы по заявленной проблеме типологии социальности, а также по сопутствующей тематике аксиологического, нормативного, политического, антропологического, социокультурного направления, в том числе множество источников на иностранных языках.

Основные положения диссертационного исследования отражены в более 150 научных публикациях, в том числе: в 44 статьях в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ (включая 32 статьи в изданиях, категорируемых на настоящий момент как К1 и К2), а также в 10 публикациях в изданиях, проиндексированных в научометрических базах данных Scopus и Web of Science, в 5 монографиях.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры философии МГТУ имени Н.Э. Баумана и рекомендована к защите по специальности 5.7.7 – Социальная и политическая философия (философские науки). Апробация диссертационного исследования проводилась на ряде конгрессов и конференций международного, всероссийского и регионального уровня. В частности, в работе XXIII Всемирного философского конгресса в Афинах «Философия как познание и образ жизни» (2013 г.), где автор выступил с докладом "Sociality as social-philosophical problem" (Abstracts of the 23rd World Congress of Philosophy in alphabetical order of the authors. University of Athens, School of Philosophy. Athens, 04-10 August 2013. – Р. 49). Выводы работы обсуждались на Всероссийских философских конгрессах (Новосибирск, 2009), (Нижний Новгород, 2012), (Москва, 2022). Обсуждение результатов работы проходило на заседаниях кафедры философии Северо-Кавказского государственного технического университета (2009-2012), а затем кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (2012-2022), на заседаниях методологического научно-технологического семинара Северо-Кавказского федерального университета (2020-2024).

Объём и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, содержащих 12 параграфов, заключения, списка литературы, включающего 593 источника. Общий объём машинописного текста – 481 страница.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** автор рассматривает актуальность избранной проблемы, степень её разработанности и изученности, формулирует объект, предмет, цель диссертационного исследования, исходя из этого, намечает задачи, методологический инструментарий, освещает научную новизну работы, её теоретическую и практическую значимость, методы апробации, а также приводит положения, выносимые на защиту.

В первой главе – «Теоретико-методологические основания философского исследования социальности» представлен генезис и теоретическая эволюция понятия социальности, описаны сложности его исследования в социальной философии и науках социально-гуманитарного цикла, определены авторские пути преодоления этих сложностей в социально-философском аспекте, исходя из авторской гипотезы.

В 1.1. «*Социальность как объект социальной философии*» показаны особенности социально-философской проблематизации социальности как объекта социальной философии. В социально-гуманитарном знании существует множество разнообразных трактовок социальности. Социальность рассматривается не просто как основание коммуникации, но и как формат распределения субъектности в рамках общественной системы, способный существовать в различных формах. Причём, это не столько статичная система, сколько процесс постоянной пересборки человеческой совместности, основанный на нормативных кодах культуры.

В определении социальности можно выделить четыре координаты, не сводимые друг другу. На одном полюсе находятся координаты «культурного и биологического», иногда транспонируемые социальными теориями в диалектику традиций-инноваций, на другом полюсе – диалектика «антропологического и социального». Всё вместе образует матрицу социальности, внутри которой строятся жизнь и деятельность индивидов и их групп. Социальность понимается как интегративный формат взаимосвязи, социации людей в обществе.

В более узком смысле социальность часто понимается как некая типологическая позиция на шкале «общественное-индивидуальное», основанная на степени автономности индивида, которая проецируется на каждое конкретное общество, находится в корреляции с ценностями культуры и особенностями его исторического развития. Тип взаимосвязи индивида и общества тоже может проблематизироваться как «социальность», потому что для человека общество – не наблюдаемый непосредственно объект, взаимодействовать с обществом напрямую человек не может, это взаимодействие всегда чём-то опосредовано: другим человеком, нормой, языком, ценностями, в самом общем смысле – культурой.

Социальность не тождественна культуре, хотя в самых широких определениях они сближаются. Культура – это система взаимосвязанных идей, а социальность – система взаимосвязанных людей (П. А. Сорокин). Социальность – это исключительно человеческий феномен. Общественность животных – это биосоциальность, она существует как инстинктивная программа, человеческая социальность существует в языке как знаково-символический феномен и способна развиваться и эволюционировать.

В узком значении социальность – это и есть самовоспроизведение общественной

организации, жизни человеческих коллективов в её структурных, функциональных, динамических характеристиках. А также условия, обеспечивающие это воспроизведение. То есть, не просто смысл, а смысл, воссозидающийся, возрождающий и поддерживающий сам себя.

В 1.2. «*Особенности проблематизации и генезиса представлений о феномене социальности в социально-философском знании*» показано, что в истории философии понимание общества и феномена коллективности в явном и неявном виде прошла длительную эволюцию, однако проблематизация собственно социальности в силу специфики объекта произошла поздно, хотя и включила в себя предшествующие представления об обществе.

Анализировать степень развития общества по критерию свободы в европейской философии начали в Новое время, когда свобода утвердила в качестве главной ценности и маркера общественного прогресса. К середине XVIII века сложились предпосылки для представлений о «естественном» характере свободы и самоценности индивида, противопоставленного государству, и идей, рассматривающих человека как центральный и автономный элемент социального действия, то есть, сформировались первоначальные формы европейского индивидуализма.

С изменением социальных и экономических условий изменяется и идеология. В конце XIX-начале XX века, в период эволюции капитализма, основанного на принципах свободной конкуренции и свободного предпринимательства, в монополистический, а затем и государственно-монополистический капитализм начался кризис традиционного буржуазного сознания и отдельных его компонентов, в частности идей буржуазного индивидуализма и свободной конкуренции.

Представления о социальности также прошли эволюцию от эссенциалистских до феноменологических, через антропологический поворот. Сегодня исследования социальности – это целое поле междисциплинарной рефлексии общества, объединяющей в себе социологические, социально-философские, культурологические, лингвокультурные и иные социально-гуманитарные направления.

Всё множество исследовательских стратегий распадается на субстанционалистские и несубстанционалистские. Каждое из этих направлений имеет собственные границы применения и даёт результат в собственной исследовательской области. Кроме того, социальность как объект имеет не только структурно-функциональный, но и динамический аспект. К. Ясперс, например, считал, что социальность может быть выстроена как на единстве, так и на различии, и эти параметры изменяются с течением времени. Исходя из этого, социальность представляет собой основанный на общей смысловой перспективе исторически изменяющийся формат взаимодействия людей, организованный как упорядоченный процесс коммуникации и образующий устойчивые и воспроизводящиеся социальные структуры.

В 1.3. «*Сложности формирования и специфика использования понятия социальности в теориях общественного познания*» показаны методологические и понятийные проблемы в исследовании феномена социальности.

Социальность оказывается не просто пространством, а смысловой перспективой, предельной общественной онтологией, внутри которой рождается, происходит и обретает смысл социальное действие, нормативная и ценностная смысловая данность, предшествующая действию, следующая за ним и изменяющаяся вместе с ним. Явное

и скрытое нормирование (так называемое, криптонормирование). Она оказывается способом социального существования действия, пронизывает действие насквозь, действие в каузальном смысле подчинено ей, но может и само воздействовать на неё по принципу «кольцевого детерминизма».

Первая сложность исследования социальности состоит в том, что человек говорит о целостности как об относительном понятии, сравнивая её с частичностью, частью, элементом системы. «Целое» как абсолютное понятие и как общественный феномен, воспринимается только метафорически: всё, что может быть наблюдаемо человеком в физическом мире, частично и недостаточно, ничто не может быть определено как «целое». Любая целостность, в свою очередь, включена в более широкую систему и является её частью. Абстрактные понятия, отражающие предельные понятия, «материя», «бытие», «причина», являются беднейшими по содержанию и широчайшими по объёму. Всё, что может быть минимально охарактеризовано, уже «бытие», всё, что имеет связь с другими событиями, характеризуется причинностью. Таково и понятие социальности: всё, что происходит между людьми, выражает «совместность», связанность людей друг с другом. И, вместе с тем, не выражает ничего специфического по отношению к самой социальности, не добавляет ничего к уже сказанному.

Вторая сложность заключается в том, что в данном случае, как и при содержательной аналитической работе с содержательно беднейшими понятиями, при анализе социальности очень сложно отделить существенные признаки объекта от несущественных. Всё, что проявляется как человеческая совместность, уже является социальным, в человеческой жизни вообще сложно отыскать то, что не носит на себе отпечаток этой совместности, взаимной связанности людей. И, однако, характеристики этих проявлений не приближают к пониманию самой целостности как таковой, не характеризуют её как систему или, напротив, не опровергают системность общества.

Социальность не наблюдаема, наблюдаемо действие. Сложности начинаются уже тогда, когда необходимо переходить на «второй уровень» исследования и, отталкиваясь от анализа повседневности, делать умозаключения о самой социальности. Оказывается, что идти «по следам» социальности очень трудно, связи, скрывающиеся за повседневностью и фундирующие её, оказываются очень тонкими и трудноуловимыми. За понятием «социальное» скрывается одновременно два различных феномена: это и некая предполагаемая «субстанция» (особая социальная реальность), и движение несубстанциональных элементов (феноменов сознания). Если концентрироваться на одной из этих составляющих, социальность исчезает: если полагать её вещественной, объективно существующей, реифицированной, она теряет способность связывать, но, если считать её чем-то совершенно невещественным, социальность становится практически невозможно обнаружить.

Недоопределённость понятия социальности чаще всего приводит к использованию его по договоренности, без окончательного значения. Или в противопоставлении социальности «антропологическому» или «культурному» модусу бытия.

Итогом исследования социальности в феноменологии XX века можно считать подход, при котором коллективизм или индивидуализм не являются с онтологической точки зрения существенными формами, присущими обществу, независимыми от сознания человека. Они являются феноменальными базовыми ценностно-

нормативными идеалами, транслируемыми в социальных практиках. Это «состояние распределения связей между элементами системы, при котором усилия их взаимного отношения в составе целого, обеспечивают её устойчивость».

В 1.4. «Методологические стратегии исследования феномена социальности современного общества» утверждается, что, понимание социальности как феномена «совместности», события и результата действия по его поддержанию, основанных на общей смысловой перспективе, включенных в упорядоченную цепь коммуникации и образующие устойчивую смысловую структуру – зависит от:

- качества воссоздания особого специфического поля отношений и связей людей и социальных групп, исторической модели социокультурных, психологических и даже биологических взаимодействий, от уникального социального порядка, составляющего контекст этого факта;

- методологической релевантности исследовательского подхода, учитывающих особенности интерсубъективной смысловой природы исторического факта и сочетающих в своей палитре разные как научные, так и ненаучные познавательные инструменты и приёмы реконструкции исторического факта;

- ценностного вектора общественного сознания, современного исследователю, формируемого как политическими, так и образовательным институтами, ассимилирующим и транслирующим общественно значимый факт, придающими ему современное значение.

Наиболее плодотворным и релевантным нам представляется для решения данных задач социокультурный подход, учитывающий разные уровни общественного и индивидуального бытия, а также динамические особенности их развития.

Для методологически релевантного исследования важно устанавливать не просто ускорение или замедление социальной динамики при возрастающей коллективизации или индивидуализации, но понимать причину этого изменения. Нам представляется, что ключом к пониманию того, что служит катализатором или, напротив, ингибитором скорости социальных изменений, может быть различие социальной и культурной динамики. Мы исходим из установки, что социальные структуры и культура имеют собственную логику и скорость развития. Они не идентичны как в структурно-функциональном, так и в динамическом планах. Методологически можно описать это наблюдение в нескольких разных форматах (например, социальная феноменология, неоинституциональный подход и пр.). Однако уместнее всего, по нашему мнению, описать этот контур в терминах социокультурного подхода, который, помимо функциональной, имеет мощную динамическую объяснительную схему. Кроме того, социокультурный подход связывает антропологическое и социальное через норму, нормативное сознание и естественные механизмы нормообразования в обществе, показывая постоянный переход нормы из антропологически-индивидуального в социально-типичное изменение через присвоение нормы и отчуждение. А также уравновешивание этих процессов в ценностной системе культуры.

Вместе с тем, социокультурный подход как методологическую платформу необходимо дополнить некоторыми инструментами феноменологического и герменевтического подходов, поскольку язык как интерсубъективный феномен оказывается той средой и тем инструментом, который, создавая и удерживая общий

для своих субъектов смысл, формирует для них неприродное, онтологически «новое», искусственное пространство совместности, в котором становится возможно существование норм, ценностей, идеалов, образов будущего и прошлого, истории.

В рамках *второй главы «Типологические основания и структурно-функциональные особенности социальности современного общества»* раскрываются структурные и функциональные аспекты формирования и поддержания социальности в современном обществе, а также приводятся культурные особенности данных процессов.

2.1. *«Онтологические и структурно-функциональные профили коллективизма и индивидуализма как типов социальности»* раскрывает социальность как способность обретать не только индивидуальную, но и коллективную субъектность. Социальность онтологически существует как интерсубъективная реальность, коллективный феномен, поэтому для своего существования она нуждается в постоянном пристальном внимании общества и поддержании. Несмотря на идеальные, культурно обусловленные представления о собственном типе социальности, существующем в каждом обществе, в практическом смысле всегда есть конкретные общества, которые по ряду признаков определяются как тот или иной тип социальности, однако представляют собой сложные динамически подвижные сочетания индивидуализма и коллективизма. Можно предположить, что исторически каждое общество проходит собственные стадии коллективизации или индивидуализации, многократно или даже постоянно, с разной скоростью. (Немецкие социальные теоретики описывали два типа социальности – «Gemeinschaft» и «Gesellschaft», как два диалектически противоположных, но дополняющих друг друга начала коллективизма и индивидуализма)

Самым фундаментальным показателем социальности, объединяющим все другие, является автономность индивида от общества, прежде всего, право и способность самостоятельно определять собственную идентичность, цель и значение собственной жизни. А также решать собственные проблемы и нести ответственность за свои решения. Автономность никогда не бывает абсолютной, только относительной, но чем она больше, чем индивидуалистичней общество.

Методологическая проблема заключается в том, что в масштабах общества дистанцию автономности сложно измерить, она трудно опрерационализируется, её можно выявить только по косвенным признакам. Практически проблема автономии определяется тем, насколько опосредовано гетерономное силовое принуждение общества по отношению к человеку ценностями культуры. В обществе индивидуализма это опосредованнее происходит через ценности права, а в коллективизме – через ценности морали, часто совмещённой с ценностями религии.

Находясь в состоянии равновесия, не испытывая длительное время революционных социальных потрясений, общество фиксирует нормы и ценности, состояние социальности и изменения, происходящие в них, могут происходить медленно, практически незаметно для индивида. Общество же, выведенное из равновесия революционным путём, начинает колебаться в социальном запросе от одного состояния социальности к другому, от идеализации одной крайности к другой с соответствующими изменениями, вносимыми в институциональную и мировоззренческую систему. Возникает кризис идеалов и кризис идентичности,

который не разрешим одномоментно. Напротив, если общество выбирает идеалом противоположное крайнее состояние и идеализирует его, ищет быстрых решений, равновесие ещё больше нарушается, и гармоничного состояния в ближайшие годы это общество достичь не сможет, поскольку социальные процессы имеют собственную инерцию. Понимание же того, что оба состояния – и коммунитарное, и индивидуалистическое, органично присущи современному обществу, одновременно функционально востребованы им при решении разных задач, способно серьёзно облегчить ситуацию и достичь существенно гармонизации социальных отношений.

2.2. «*Ценностно-нормативная система как типологическое основание социальности*» посвящён изучению структурных особенностей современной социальности. Структурное основание социальности – социальная норма – существует в обществе на двух уровнях – формальном и неформальном. Формальный уровень детерминирован политической властью, он функционирует в публичной сфере. Неформальный уровень норм – это правила повседневности, в которых формальная норма либо легитимируется и подтверждается, либо делегитимируется и отвергается, замещаясь устоявшейся коллективной привычкой.

Конфликт и рассогласование формального и неформального уровней социальных норм порождает серьёзный конфликт любого типа социальности. На уровне формальных норм общество может декларировать себя, например, как коллективизм, но на неформальном уровне оставаться индивидуалистическим и наоборот. Если эти нормативные уровни не легитимируют, не подтверждают друг друга, это порождает разорванность социальной жизни и жизнь людей по двойным наборам норм, один из которых неизбежно обречён на неэффективность и декларативность, а в перспективе – на угасание и демонтаж. И наоборот, изживание любого системного социального кризиса начинается с символической унификации и согласования формальных и неформальных норм.

Мы понимаем социальную норму широко, как регулятор поведения и мышления, фиксирующий, унифицирующий и кодирующий в формализованные образцы значимый культурный опыт, и выражают её в более узких, кодированных в деонитической модальности требованиях к человеческой деятельности любых видов. Нормы как символические регуляторы, оказывают на человека не только явное, но и скрытое («криптонормированное»), иногда косвенное воздействие, продолжая влиять на поведение и формы мышления тогда, когда нет прямых деонтических указаний, что следует делать и чего не следует. То есть, через процедуры интроекции. Стили мышления, привычки, интуиции, основанные на социальном опыте – всё это последствия действия нормативных практик, в которых человек подвергается регламентации почти во всех своих проявлениях. В той или иной форме все общественные отношения людей подчинены какому-либо виду норм.

Именно на нормативной системе, фундаментом которой стала коллективная субъектность, выстроена восточная коллективистская социальность. Индивидуализм выстраивается на норме индивидуальной ответственности, основанием которой стала европейская христианская мораль, впоследствии утратившая религиозное содержание и превратившаяся в делиберативную демократическую систему. И та, и другая система проходила многовековой процесс институционализации, многократной легитимации, закрепления через институты социального доверия. Однако это не

значит, что обе эти системы не подвержены внутренним процессам дивергенции и конвергенции с идеальными представлениями.

Современное общество очень нормативизировано, каждое действие человека в прямом смысле буквально пронизано разного вида нормами, все три нормативные системы – религия, мораль и право – работают на стабилизацию общественного устройства и приведении его в соответствие с главными образами макроидентичности. Однако обществах коллективизма и индивидуализма доминирующими оказываются разные нормативные системы. В обществе западного индивидуализма это право, воплощенное в формальных институтах, в обществе коллективизма – мораль, функционирующая через неформальные институты.

2.3. «*Историческое сознание и социальный капитал как регуляторы социальности*» подчёркивает сложность процессов поддержания единого типа социальности, особенно в ситуации противодействия длительной социальной инерции. Исследуется историческое сознание как аналитический, функционально активный тип сознания, играющий в обществе роль рационального регулятора общественных практик.

Для того, чтобы социальность поддерживалась в форме, соответствующем уровню развития общества, для сохранения баланса научно-технического прогресса и развитого, в достаточной мере автономного от коллектива, самодостаточного индивида, необходимо развитое историческое сознание, способное воспроизводить соответствующую макроидентичность. Изменчивость социальности обеспечивается с помощью социальной травмы, размыкающей непрерывность воспроизведения социальности и нарушающей согласование формальных и неформальных норм.

Социальная травма – это кардинальное, революционное часто насилиственное и необратимое изменение повседневности всех или большей части людей в обществе, влекущее за собой радикальный разрыв с традицией. Люди теряют ощущение безопасности, потому что происходящее большинству непонятно, им кажется, что собственная жизнь им уже не принадлежит. Вместе с таким переносом изнутри вовне собственных ощущений, переносятся также инстанции контроля и принятия решений, если это происходит массово, в длительной временной перспективе, возникает и изменение социальности с индивидуалистической на коллективистскую. Индивидуализм формируется как процесс возвращения субъектом контроля за собственной жизнью, автономизации от общества. О смене социальных практик или социальности, как более глубокого уровня, можно говорить также тогда, когда есть массовая смена формальных практик на неформальные. Детравматизация коллективного сознания, поражённого мифом и вытеснившего травму, по мнению американского исследователя Доминика Лакапры, продуктивно только в том случае, если с этим сознанием будет проводиться серьёзная аналитическая работа, работа исторического сознания. Социальный миф, возникающий как последствие травмы, представляет собой цельную, недискурсивную структуру мышления, разрушить которую можно только рационально.

По типу социальный капитал также различается. Первый, бриджинговый тип, влияет на институциональное развитие, второй, бондинговый, препятствует ему, и третий, социальный капитал гражданского общества, основанный на сетевой гражданской культуре, разделяемый опыт социального доверия, принятого в данной

культуре.

Первый, бриджинговый тип социального капитала (bridging), является открытым, он опирается на широкие социальные радиусы, и общепризнанные в обществе ценности и нормы. Этот тип самоорганизации позволяет кооперироваться с незнакомыми людьми из своего общества, как со знакомыми и близкими, он – фундамент и основание широких коалиций (так называемые группы Патнэма) и социальных институтов, любых широких социальных реформ.

Бондинговый социальный капитал – принципиально иной, он закрытого типа, позволяет людям самоорганизоваться только в рамках узкого сообщества, внутри которого существует социальное доверие (так называемые «группы Олссена»). Этот тот социальный капитал, который фундирует успешность процесса реакции на внешние вызовы, определяет успешность процесса выживания, опирается на ограниченную границами группы мораль.

Рост индивидуализма, разрушающий коллективистские структуры, знаменует собой «переход от бондингового к бриджинговому типу социального капитала. Ф. Фукуяма в своё время также отмечал, что в обществе существует понятие «радиуса доверия», и эффективность демократии в значительной мере зависит от того, насколько большой радиус доверия.

Однако не всё однозначно даже в ситуации разделения закрытого и открытого социального капитала. Многое зависит от того, в какой стране, коллективистской или индивидуалистской происходит исследование. Вероятно, в странах традиционного коллективизма бондинговый капитал выполняет более расширенные функции, чем в модернизированных странах индивидуализма, где он мало востребован.

2.4. «Макроидентичность как культурное основание социальности» посвящён вопросам того, через какие механизмы осознаётся и осмысливается людьми социальность на рациональном и нерациональном уровнях.

Структуры социальности обладают сложной онтологией, состоящей из элементов как объективного и интерсубъективного, так и субъективного характера. Единым основанием для связывания их в единую систему становится макроидентичность как идеальный образ, к которому стремится общество.

Коллективное сознание прямо или косвенно «производит» историю, делая факты историческими событиями, обесценивая и подвергая репрезентации, не соответствующие ценностным идеалам и выделяя необходимые для поддержания макроидентичности. Однако трансляция в публичной сфере, на уровне формальных норм ценностного приоритета индивидуального или коллективного может не соответствовать реальности, то есть, выражать желательное состояние, сформулированное для общества как ориентир развития, а не как наличное состояние социальной системы. Причём, понимать коллективизм и индивидуализм люди могут широко, путая коллективизм со способностью к самоорганизации, кооперации и другими смежными понятиями.

Социальность как совокупность приобретённых человеком навыков совместного существования, и социальность как всеобщая система, обеспечивающая это существование во взаимной связи человека и общества через культуру, различаются как часть и целое.

Идентичность играет в этой связи индивидуального и общего огромную роль,

она, собственно, создаёт и поддерживает способы инкорпорации части в целое. Макроидентичность – это многоуровневый культурный фильтр, который не просто отсекает, просеивает всё ценностно «чужое» и не допускает его до сознания индивидов, он создаёт множество как позитивных, так и негативных эффектов, действующих на общество. Этот фильтр имеет языковой фундамент, именно посредством языка происходит главная демаркация чужих символических полей и формирование собственного и внутрикультурная цензура. Только позитивная идентичность, выстроенная на созидательных и долгосрочных основаниях, служит основанием скрепления и самовоспроизведения социальности, коммуникации, социальных норм, ценностей общества и дальнейшей трансляции представлений, как внутри общества, следующим поколениям, так и во внешний мир, как основание внешних форм идентичности, обеспечивающих культурный суверенитет. Идентичность также всегда – не свершившийся факт, а выбор: следовать или не следовать норме, обретать или нет культурную самотождественность с обществом, доверять ли его идеалам.

Индивидуализм устойчив только при низкой дистанции власти, потому что если дистанция власти увеличивается, а нормы социальности не меняются с индивидуалистических на коллективистские, то индивидуализм вырождается в аномию. По мнению Дюркгейма, вокруг индивида при этом образуется нормативный вакуум, с отсутствием чёткой регуляции поведения, старые нормы и ценности не работают и не соответствуют состоянию общества и социальным практикам, а новые не утверждаются.

В третьей главе – «Типы социальности и их функциональные особенности в российском обществе» рассматривается типологическая дифференциация российских типов социальности. Исследуется социокультурное, ценностно-нормативное основание каждого из типов, показываются институциональные и нормативные условия их взаимных переходов друг в друга, рассматриваются проблемы и перспективы циклической смены коллективизма и индивидуализма в России.

3.1. «Социокультурные основания российской социальности» показывает, что ценности, служащие регуляторами российской социальности, двойственны и противоречивы. Это, во-первых, всё ещё функциональные ценности советского социализма, часто привычно ассоциируемые с коллективизмом. Во-вторых, это набор западных ценностей, ассоциированных с индивидуализмом, частично прижившихся на российской почве с периода их активного внедрения в 1990-е годы. В дополнение к ним имеется представление о «традиционных» ценностях, также размытое и противоречивое, в силу социокультурного разрыва с историческим прошлым.

Причин тому много: это и слишком резкие переходы на новую норму политическими директивными средствами, в ситуации дефицита общественной субъектности. И невозможность, вследствие этого, закрепления новой нормы и частичный возврат к старой, и масштабные реформы в отсутствие ресурсов, и отсутствие договороспособности в обществе как следствие дефицита бриджингового социального капитала. Политический дискурс поиска макроидентичности отражает эти разрывы. Разные горизонтальные культурные слои общества выражают различный и внутренне противоречивый социальный запрос.

С нормативной точки зрения Россия не относится ни к коллективизму, ни к

индивидуализму. По сравнению со странами запада Россия недостаточно индивидуалистична. Индивидуализм предполагает жёсткость исполнения формальной, правовой нормы, а закон в России, при всей строгости нормы, имеет недостаточность общественно-нормативных санкций за его нарушение. По сравнению со странами Востока Россия недостаточно коллективистична. В основании коллективизма заложена очень жёсткая, обязательная к исполнению неформальная норма, компенсирующая недостаточность права и правосознания, и, вместе с тем, создающая высокий культурный контекст (по теории Э. Холла). В России абсолютным статусом не обладает ни формальная норма, ни неформальная, они циклически сменяют друг друга, но не достигают состояния стабилизации и закрепления. От Востока в российском сознании существует сильная и устойчивая неформальная норма, однако за её нарушение не следует жестоких моральных санкций, таких, как «самоубийство чести» или «забрасывание камнями». Российское общество в этом смысле, пожалуй – самое свободное в институциональном смысле из всех цивилизованных обществ, и в то же время, эта свобода оплачивается множеством социальных проблем, в том числе, сложностями модернизации. На протяжении XX века ни коллективизм, ни индивидуализм не стали выбором российского общества. Российский индивидуализм столь же непрочен и ситуативен, как и российский коллективизм, возникающий в чрезвычайных ситуациях, под тяжестью грандиозных государственных задач, требующий крайних форм жертвенности во имя государственных интересов, и столь же быстро распадается, когда внешнее давление исчезает. Ни личное, ни коллективное (надличное) не исчезает из российского сознания, и то и дело становится идеологическим маркером самоидентификации, однако не имеет серьёзного влияния на настоящую самоидентификацию общества.

3.2. «Особенности российского нормативного сознания как основания социальности» рассматривается специфика типологической дифференциации российской социальности, делается вывод о том, что она во многом обусловлена географическим положением России, её огромным размером, а также – со времён Петра I – особенностями исторической циклически повторяющейся ориентации на культуру Западной Европы (так называемое «догоняющее развитие»). На нормативное сознание повлияли постоянные, периодически случающиеся в истории России попытки аврального, ускоренного догоняющего модернизационного развития, стремления произвести очень масштабные общественные изменения в короткий срок в надежде превзойти европейские технические и культурные успехи. Они производились за счёт больших издержек, и породили особенности социальной жизни в России – чередование мобилизационных «авралов» и периодов спокойной жизни, которые называются в истории то «оттепелями», то застоями.

Относительные успехи и неудачи этих модернизационных попыток породили и собственную специфику в процедурах легитимации власти: власть, которая производит серьёзные авральные реформы, не может иметь либерального характера и не может легитимироваться через демократические процедуры. Из всех видов легитимации власти для таких целей больше всего подходит сакральная легитимация через культурный архетип «вручения себя» лидеру (по Ю. М. Лотману) для осуществления исторических (героических) побед и свершений. Чередование периодов напряжённой авральной модернизации с недолгими периодами спокойного развития заложили в

сознании российского общества традиционно короткий горизонт планирования. Эта особенность российского общества – постоянная готовность к авралу, уметь гибко адаптироваться к трудностям, но неготовность трудиться долго и разумеренно и низкая ценность стандарта – это следствие резких политических изменений курса и социокультурных волн модернизации. Согласно И.М. Клямкину, причина циклических мобилизаций российского сознания – сформированное и периодически востребованное политической сферой «оборонное сознание» – «готовность защищать Родину ценой жизни, переносить ради неё трудности и испытания». Оборонное сознание, лишающее людей субъектности, заставляющее их делегировать свою субъектность власти в условиях внешней угрозы, является фактором мобилизационной коллективизации в российском обществе. Периоды естественной «демобилизации» связываются с истощением социального капитала, потребностью общества в восстановлении, переводящей фокус внимания на ценность мирной жизни. Даже не обращаясь к западным ценностям, русский человек может становиться индивидуалистом, если он не видит ценности в солидарности, не доверяет другим индивидам или действиям власти, сфокусирован на приватной жизни.

Социальное доверие имеет огромную значимость для российской социальности. В российском обществе, имеющем уникальные нормативные сочетания религиозной, правовой и этической легитимации не столько через закон, сколько через «справедливость», дефицит социального доверия, как и социального капитала, грозит правовым нигилизмом, состоянием аномии, которое в российском обществе часто ошибочно отождествляют с индивидуализмом.

Проблема в том, что мобилизационный коллективизм, сменяющий периоды индивидуализма и демобилизации, не позволяет сформироваться и закрепиться в российском сознании формальным нормативным схемам, законам как социальным регуляторам. В военное время, в чрезвычайных обстоятельствах законы мирной жизни не работают, напротив, их соблюдение может быть фактором поражения. Закон запрещает убивать, а война, даже оборонная – это убийства и насилие. В периоды военного выживания люди позволяют себе массово преступать закон, и война служит им оправданием. В периоды войны вводятся законы военного времени, нормы которого гораздо сильнее зависят от личностного управления, чем от правовых институтов. Их основанием выступает социальное доверие.

Причём, социальное доверие во время оборонной мобилизации и во время демобилизации существенно различаются между собой. Во время демобилизации социальное доверие обеспечивает легитимность правовых норм, формально-правовых институтов, а в периоды мобилизации социальное доверие обеспечивает легитимность личности вождя, военачальника. Поэтому советские лидеры («вожди»), понимая это, часто эксплуатировавшие оборонное сознание, проходили процедуры персональной легитимации через обращение к военным образом.

Чем ниже уровень социального доверия, тем больше будут расходиться слова и поведение людей, тем дальше друг от друга формальные и неформальные нормы.

В обществе индивидуализма, в которых высокая степень самовыражения и низкая дистанция власти (по индексам Г. Хоффстеде) общество открыто выражает свой протест, заявляет о необходимости смены норм. В обществах коллективизма, в которых высокая дистанция власти, открытый протест выражать не принято, да и не

имеет смысла, поскольку слишком искажена обратная связь, протест властью воспринимается не как требование смены норм, а как покушение на легитимность вождя. В обществе коллективизма люди либо подчиняются нелегитимной норме, либо самостоятельно меняют (адаптируют под себя) непригодную норму, заменяя её на неформальную и тем самым создают скрытые нормативные системы, понять которое можно только находясь внутри символического и ценностного контекста. Так создаются общества высокого контекста. В России используются и первые способы, и вторые, что лишний раз подчёркивает сложность российской социальности.

Высокая вариативность поведения и ценность стандарта оказываются взаимоисключающими социально-нормативными благами. Чем выше вариативность и антихрупкость, тем ниже ценность стандарта и готовность следовать стандарту в любых ситуациях. Нормативное сознание российского общества столь же неоднородно, сколько и сама социокультурная жизнь общества.

В 3.3. «*Циклические смены социальности в динамике российского общества*» показано, что в России периодически сменяется вектор идейной и политической ориентации с запада на восток, вместе с этой сменой происходит также и смена идеалов социальности – с ценностей коллективизма на ценности индивидуализма и обратно.

Можно сказать, что Россия занимает в цивилизационном отношении промежуточное положение между западом и востоком, но не относится ни к тому, ни к другому цивилизационному полюсу, а всегда представляет собой смешение, паллиацию между тем и другим. Поэтому нельзя говорить о российском индивидуализме, отождествляя его с западным. Если так поступать, возникнет соблазн назвать российский вариант индивидуализма «неполноценным» по отношению к западному, не соответствующим в политическим или в культурном отношении. И следом за этим возникает следующий вопрос о «полноте» всей российской культуры по сравнению с западной. А это неправильно. То же самое касается российского коллективизма, который по своим параметрам не соответствует восточным образцам. Индивидуализм и коллективизм в России носят мобилизационный и демобилизационный характер, сильно зависят от политической системы и степени вовлечённости общества в политический процесс. Коллективизация неизменно, раз за разом оказывается вариантом не постоянной и устойчивой, выражающей ценности самой системы, а мобилизационной коллективизации, необходимой для решения определённых, чаще всего политических задач. И распадающейся либо при окончании срока решения задач, когда задачи решены, либо когда они не решены, но общество испытывает социальную усталость, дефицит ресурсов, истощение запасов социального капитала.

Индивидуализм в этом свете оказывается не столько самостоятельной и устойчивой формой социальной солидарности, сколько демобилизационным состоянием, которое приобретает политическую окраску индивидуализма и поддерживает ценности индивидуализации. Это также временное и неустойчивое состояние, которое проходит спустя не очень продолжительный период времени, снова закономерно сменяется мобилизационной коллективизацией, в состоянии которой общество может решать большие социокультурные и политические задачи. Если индивидуализация длительное время не сменяется мобилизационной солидаризацией, общественные задачи не решаются ресурсами индивидуализма,

начинают называть такой период «застоем», социальной депрессией и т.д. Если мобилизационный период длительное время не сменяется демобилизацией, происходит чрезмерное напряжение, растрачивается необходимый ресурс, система начинает работать на пределе и становится хрупкой. После длительных напряжений следуют глубокие демобилизационные спады, как произошло с российским обществом в 1990-х годах, когда оно буквально оказалось в состоянии атомизации и резко обесценило поддерживающиеся на протяжении семи десятилетий нормы, ценности и связи. Российское общество неоднородно, крупные города и мегаполисы в силу развитости технической сферы и модернизации тяготеют к индивидуализму, гораздо легче переносят периоды индивидуализации и политической либерализации, сильнее востребуют ценности индивидуальной свободы и самореализации. С этой частью общества власть устанавливает более короткую дистанцию, поддерживает до определённой степени постоянную обратную связь, принимает во внимание социальный запрос, исходящий от этой части общества.

С той частью общества, которая исторически тяготеет к ценностям коллективизма, у власти гораздо более длинная дистанция. Коллективизм в России часто носит вынужденный характер, обусловленный необходимостью выживания и тяжёлыми условиями жизни, в которых общиной легче выжить, чем в одиночку. Эта часть общества также чаще имеет актуальные ценности традиционализма, востребует стабильность, ценности выживания (неизменности) и длинный горизонт планирования, гораздо менее склонна к риску, чем жители городов. Этот параграфе показана социокультурная неоднородность российского общества.

В 3.4. «Проблемы и перспективы развития современного российского общества в концепции циклической смены социальности» показано что современный российский человек, также живёт в эпоху стремительного изменения, смен парадигм, трансформации структур, неустойчивости бытия. В этих условиях российское общество переживает двойной вызов. Во-первых, внешние глобальные вызовы, во-вторых, внутренние колебания мобилизации и демобилизации, вместе с которыми происходят колебания ценностей.

Для антихрупкой системы (Н. Талеб), всегда готовой к изменениям и выигрывающей от непредсказуемых изменений, краткосрочная эффективность всегда имеет приоритет перед долгосрочной. Эта особенность не позволяет добиться прогресса в тех отраслях, где ценность стандарта и его строгое соблюдение играет решающую роль. Если говорить о культуре российского общества, то подходить к ней нужно так же дифференцированно. Борьба с повышенной антихрупкостью и низкой ценностью стандарта не должна превращаться в другую крайность – консервацию структур и мышления, застrevании в стандартах, подавление инновационности. Главная проблема российской экономики – чрезвычайно низкий горизонт планирования, снимание ренты с сегодняшнего дня без планирования на завтрашний день. Увеличение горизонта планирования, «выравнивание» отраслей по их специфике позволило бы экономике России стать гораздо эффективнее и стабильнее в развитии.

Кроме того, необходимо учитывать, что Россия – огромная и неоднородная страна. Специфика этой неоднородности состоит не только в ценностном разнообразии, но и в различном уровне антихрупкости и инновационности. К тому же, антихрупкость срабатывает при стрессе как гиперкомпенсация только тогда, когда у общества есть в

наличии свободный ресурс, если ресурса нет и система работает на пределе, то никакого развития от стресса не получается, обществу наносится очередная социальная травма, которая неизбежно влечёт за собой тяжелые культурные и социальные последствия.

Таким образом, социальность, выступает матрицей и нормирующей рамкой всех общественных связей, идеалов и поведения людей, оказывается вовлечённой практически в любые социальные проявления, а также тесно соединенной с мировоззренческим основами и культурой. Причём, надо различать два типа социальности – один как сегодняшний, фактический, другой – как желательный в будущем (он формирует социальный запрос и макроидентичность). Именно согласованное состояние этих двух модусов, а также сопровождающее это согласование снижение резких ценностных колебаний может обеспечить российскому обществу избавление от множества описанных проблем. Однако задача это непростая и связана она с решением вопроса о том, какими ресурсами будет осуществляться модернизация, и кто выступит субъектом этого процесса. Этот вопрос России только предстоит решить в будущем.

В **заключении** подводятся итоги проделанной работы, делаются выводы о достижении запланированных задач и решении заявленной проблемы типологической дифференциации социальности в современной России. Вывод состоит в том, что социальность в российском обществе типологически неустойчива и во многом зависит и от внешних глобальных вызовов, от внутренних особенностей политического управления. Однако у циклической смены типов социальности есть и устойчивая историческая инерция, детерминированная по крайней мере, тремя веками резких, революционных травмирующих исторических событий, последствия которых накладывались друг на друга и создавали бэкграунд политравмы, создающий культурные и социальные последствия в длительной исторической перспективе. Маркером выхода из состояния исторической травмы можно считать развитое и рациональное историческое сознание российского общества, имеющее статус социального регулятора, создающее связь прошлого и будущего, обеспечивающее устойчивую макроидентичность для всего общества в целом.

Также в заключении намечаются возможные перспективы дальнейшего исследования проблемы. В качестве такой перспективы могли бы быть исследования типов социальности разных российских регионов, посредством изменения ценностей в различных возрастных и иных социальных группах, в разных социальных институтах (групповой и институциональный коллективизм/индивидуализм) с последующим сопоставлением. Интересным представляется дальнейший компаративистский анализ российской социальности в сопоставлении с западными и восточными странами, выявление тех из них, которые наиболее сходы с Россией. Необходима дальнейшая разработка рекомендаций для стабилизации состояния социальности и снижения частоты её циклических колебаний, а также проработка вопроса о том, какими средствами, если не мобилизационной коллективизацией, могли бы решиться в России вопросы модернизации. Это могло бы способствовать успешному развитию страны.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ РАБОТАХ:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки Российской Федерации:

1. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Анализ методологии и направлений исследования современной социальной реальности // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 9. С. 241-247. (0,5 п. л.).
2. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Анализ парадигмальных оснований социокультурного подхода в социальном познании // Научная мысль Кавказа. 2009. № 1. С. 45-48. (0,5 п. л.).
3. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Проблема конституирования персональной идентичности в аспекте индивидуальной историчности // Философия права. 2009. № 6. С. 65-69. (0,5 п. л.).
4. Микеева О.А. (Бакланова О.А.). «Общество риска» как репрезентативная модель современного социума // Т.В. Душина, О.А. Микеева (О.А. Бакланова). Личность. Культура. Общество. 2009. Т. 11. № 4 (51-52). С. 196-202. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).
5. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Современная диспозиция различных исторических типов социальных коммуникаций // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2010. № 3. С. 182-187. (0,5 п. л.).
6. Бакланова О.А. Коммунитаризм как философское основание современной теории колlettivизма // Научная мысль Кавказа. 2011. № 2 (66). С. 23-26. (0,5 п. л.).
7. Бакланова О.А. Компаративистский анализ исторических типов социальности // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2011. № 3. С. 219-223. (0,5 п. л.).
8. Бакланова О.А. Тенденции социальной философии: западный и российский опыт осмыслиения постмодернизма // Философия права. 2011. № 5. С. 23. (0,5 п. л.).
9. Бакланова О.А. Методологические основания современных концепций общественного развития / О.А. Бакланова, Т.В. Душина // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2011. № 2. С. 152-154. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).
10. Бакланова О.А. Специфика исследования колlettivизма как базового типа социального бытия // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2012. № 1. С. 18-21. (0,5 п. л.).
11. Бакланова О.А. Социальность как проблема социальной философии // Философия права. 2013. № 5. С. 62-65. (0,5 п. л.).
12. Бакланова О.А. Методологические измерения социальности в современной социально-теоретической рефлексии // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. 2013. № 2. С. 142-145. (0,5 п. л.).
13. Бакланова О.А. Методологические особенности исследования социальности как социально-философской проблемы / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // European Social Science Journal. 2013. № 12-1 (39). С. 31-36. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).
14. Бакланова О.А. Контуры типологического исследования социальности современного общества / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов // Известия Саратовского

университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2014. Т. 14. № 2. С. 5-10. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).

15. Бакланова О.А. Исследование социальности как методологическая проблема социального познания / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов // Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 2. С. 176-180. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).

16. Бакланова О.А. Социокультурная динамика современности: трансформация коммуникационного пространства культуры / Е.А. Авдеев, И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. С. 567. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

17. Бакланова О.А. Формирование социальной идентичности личности в современном обществе / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, А.М. Ерохин, Е.А. Авдеев // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 694. (0,15 п. л. / 0,6 п. л.)

18. Бакланова О.А. Методологические конструкты исследования социальности современного общества / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов, А.М. Ерохин // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 3-1. С. 95-100. (0,25 п. л. / 0,7 п. л.)

19. Бакланова О.А. Методологические фреймы современных концептуализаций социальной реальности / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 4. С. 95-100. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).

20. Бакланова О.А. Социальная детерминация динамики правосознания: современный российский опыт / И.С. Бакланов, М.К. Бичахчян, О.А. Бакланова // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 8. С. 23-26. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

21. Бакланова О.А. Гендерные трансформации в современном российском обществе / О.А. Бакланова, Н.А. Демченко // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 323-325. (0,25 п. л. / 0,5 п. л.)

22. Бакланова О.А. Социальность как предмет социокультурного анализа / О.А. Бакланова, Т.В. Душина // Социодинамика. 2017. № 6. С. 52-58. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).

23. Бакланова О.А. Анализ семьи как социальной институции и общности в перспективе социокультурных исследований / А.А. Зайченко, О.А. Бакланова, М.В. Махринова // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2019. № 5 (108). С. 30-34. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

24. Бакланова О.А. Техника как фактор социального развития / С.В. Денисенко, О.А. Бакланова, И.С. Бакланов // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 445-447. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

25. Бакланова О.А. Аксиологические ориентиры и темпоральные референции развития цифрового общества / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, А.Д. Похилько // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2021. № 4. С. 136-144. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

26. Бакланова О.А. Социальная норма как функциональный механизм социальности / Ю.А. Бурлова, О.А. Бакланова // Kant. 2022. № 4 (45). С. 112-115. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).

27. Baklanova O. Normative Conditioning of the Consciousness of the Society Subject: Sociocultural Approach / Yu. Burlova, O. Baklanova // Science Almanac of Black Sea Region Countries. 2022. № 4 (32). С. 3-9. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).

28. Бакланова О.А. Перспективы и проблемы технологического развития в России: социально-философский аспект / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов, А.Д. Похилько // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 179-184. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
29. Бакланова О.А. Ценностные основания социокультурной коммуникации как проявление идентичности социальных субъектов / О.А. Бакланова, А.В. Сёмкин, В.В. Югай // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2022. № 4. С. 155-163. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
30. Бакланова О.А. Скрытое нормирование как фактор формирования социальности в современном обществе / О.А. Бакланова, О.В. Богатырева, В.В. Исакова // Евразийский юридический журнал. 2023. № 10 (185). С. 360-361. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
31. Бакланова О.А. Особенности социокультурных рисков в условиях цифровизации социокультурных практик // И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, А.А. Осадчий // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12 (187). С. 535-536. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
32. Бакланова О.А. Играизация социальности в социально-философском аспекте // О.А. Бакланова, А.Г. Нагапетова, Г.А. Акопян / Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2023. № 3. С. 104-109. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
33. Бакланова О.А. Внедрение искусственного интеллекта в социокультурные практики цифрового общества: последствия и риски развития индустрии 4.0 // И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, Г.И. Лукьянов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 519-520. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
34. Бакланова О.А. Технологизация политического и политизация технического: динамика общественного сознания и социокультурных практик цифрового общества / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, С.Н. Бредихин, Г.И. Лукьянов // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С. 521-522. (0,15 п. л. / 0,6 п. л.).
35. Бакланова О.А. Детерминанты общественного сознания как социальной памяти: социально-философский подход // Е.С. Астапова, О.А. Бакланова, И.С. Бакланов, А.Д. Похилько. Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 525-526. (0,15 п. л. / 0,6 п. л.).
36. Бакланова О.А. Методологические и содержательные сложности исследования проблемы технанизации в современном обществе и становления техногенной цивилизации / Р.А. Петлицын, А.А. Осадчий, О.А. Бакланова // Kant. 2024. № 2 (51). С. 268-272. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
37. Бакланова О.А. Микросоциум в современном обществе: экспликация социально-философского аспекта / А.Д. Похилько, О.А. Бакланова, Д.О. Буркин // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 538-539. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).
38. Бакланова О.А. Автохтонные и аллохтонные процессы и детерминанты формирования политического сознания в России: социально-философский аспект / А.Д. Похилько, О.А. Бакланова, С.Н. Бредихин, А.А. Пашков // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С. 543-544. (0,15 п. л. / 0,6 п. л.).
39. Бакланова О.А. Основные рефлексии социальности в современной социальной философии / О.А. Бакланова, И.С. Бакланов, Г.И. Лукьянов,

А.Д. Похилько // Евразийский юридический журнал. 2024. № 3 (190). С. 527-529. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

40. Бакланова О.А. Особенности проблематизации и генезиса представлений о феномене социальности в социально-философском знании // Г.И. Лукьянов, И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, А.А. Осадчий // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4 (191). С. 534-535. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

41. Бакланова О.А. Взаимосвязь технологического и исторического сознания в пространстве социальности цифрового общества / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // Kant. 2024. № 2 (51). С. 190-195. (0,3 п. л. / 0,6 п. л.).

42. Бакланова О.А. Аксиологические основания социальности в современном обществе // Kant. 2024. № 3 (52). С. 161-165. (0,5 п. л.).

Статьи в изданиях научометрических баз данных Scopus и Web of Science (и частично BAK):

43. Baklanova O.A. Sociality as a Social-Philosophical Problem // O.A. Baklanova, I.S. Baklanov, A.I. Kolomak, A.D. Pokhilko. Life Science Journal. 2014. Vol. 11. no 11s. pp. 5-7. (Scopus) (0,15 п. л. / 0,6 п. л.).

44. Baklanova O.A. Ontological Status and Valuable Determination of Social Norms and Normative Systems // I.S. Baklanov, O.A. Baklanova, V.N. Goncharov, A.M. Erokhin, O.Y. Kolosova. The Social Sciences. 2015. Vol. 10. no 9. С. 2216-2220. (Scopus) (0,2 п. л. / 0,8 п. л.).

45. Baklanova O.A. The Historical Past as a Factor of Sociocultural Transformations of Postmodernity // I.S. Baklanov, O.A. Baklanova, A.A. Shmatko, M.A. Gubanova, A.D. Pokhilko. Journal of History Culture and Art Research. 2018. Vol. 7. no 1. pp. 373-378. (Web of Science) (0,2 п. л. / 0,8 п. л.).

46. Baklanova O.A. Myth as a Means of Ordering and Organizing Social Reality // I.S. Baklanov, O.A. Baklanova, A.M. Erokhin, N.N. Ponorina, G.A. Akopyan // Journal of History Culture and Art Research. 2018. Vol. 7. no 2. pp. 41-47. (Web of Science) (0,2 п. л. / 0,8 п. л.).

47. Бакланова О.А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории / Е.И. Балдицына, И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 43-51. (Scopus, BAK) (0,2 п. л. / 0,6 п. л.).

48. Baklanova O.A. Comparative Analysis of Urban and Rural Environmental Quality: The Opinions of Residents of the Region // I.S. Baklanov, O.A. Baklanova, E.E. Nesmeyanov, V.A. Ivashova, L.A. Kabardokova // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering. Siberian Industrial Days International Forum. 2020. p. 012013. (Scopus) (0,1 п. л. / 0,5 п. л.).

49. Baklanova O.A. Posthuman in Global Information Society // M.A. Gubanova, A.D. Pohilko, N.N. Ponorina, A.G. Nagapetova, O.A. Baklanova. Revista Inclusiones. 2020. Vol. 7. no 4. pp. 362-368. (Web of Science) (0,15 п. л. / 0,75 п. л.).

50. Baklanova O.A. Crisis in the Modernist Period: Dmitry Merezhkovsky's Interpretation // O.V. Pchelina, A.D. Pohilko, O.N. Ponorina, A.G. Nagapetova, O.A. Baklanova. Revista EntreLínguas. 2021. Vol. 7. no S4. p. e021066. (Web of Science) (0,2 п. л. / 0,8 п. л.).

51. Baklanova O.A. Factor Model of Expert Opinions on Risks Assessment for Territorial Development // I.P. Belikova, V.A. Ivashova, O.A. Baklanova, N.V. Lazareva, Semenova L. XIV International Scientific Conference “INTERAGROMASH 2021”. Precision Agriculture and Agricultural Machinery Industry. Volume 1. Springer Verlag, 2022. pp. 861-869. (Scopus) (0,15 п. л. / 0,6 п. л.).

52. Бакланова О.А. Эсхатология сингулярности: “Deus ex Machina” в построении кинообразов будущего // Г.В. Бакуменко, А.Г. Лугинина, О.А. Бакланова Galactica Media: Journal of Media Studies. 2024. Т. 6. № 3. С. 119-167. (Scopus, Web of Science, ВАК). (0,6 п. л. / 1,8 п. л.).

Монографии:

53. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Принцип индивидуализма как методологическое основание исследования социальности: монография / Т.В. Душина, О.А. Микеева (О.А. Бакланова). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2009. 224 с. (6,2 п. л. / 12,4 п. л.)

54. Бакланова О.А. Специфика конституирования гендерной идентичности в современном обществе / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, В.В. Лопата. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, Ставропольское отделение Российского философского общества РАН, 2014. 170 с. (3,3 п. л. / 9,9 п. л.)

55. Бакланова О.А. Нигилизм в российском обществе: анализ его сущности и форм проявления / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова, Е.С. Федотенков, О.В. Федотенкова, А.Д. Похилько // Коллективная монография. Армавир: АГПУ, 2019. 156 с. (2,1 п. л. / 10,5 п. л.)

Главы в монографиях:

56. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Перерождение традиционного российского колlettivизма // Метафизика социокультурного бытия в опыте русской философии // С.Т. Баранов, Л.А. Бойко, О.А. Микеева (О.А. Бакланова) и др. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2010. С. 317-333 с. (1,6 п. л.)

57. Бакланова О.А. Социокультурные основания российской цивилизации / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // Контуры цивилизационного будущего России. Коллективная монография. Ответственный редактор: А.П. Сегал. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва: Fortia Press, 2024. С. 210-233. (1,2 п. л. / 2,4 п. л.)

Статьи в других научных изданиях:

58. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Человек этнический: проблема этнической идентичности / И.С. Бакланов, Т.В. Душина, О.А. Микеева (О.А. Бакланова) // Вопросы социальной теории. 2010. Т. 4. С. 396-408. (0,2 п. л. / 0,6 п. л.)

59. Бакланова О.А. «Конец социального» как постмодернистский вывод социальной эпистемологии // Социальная эволюция, идентичность и коммуникация в XXI веке. Ставрополь: Северо-Кавказский государственный технический университет, 2009. С. 70-72. (0,6 п. л.).

60. Микеева О.А. (Бакланова О.А.) Сущность и типы социальности в современной социальной теории // Социальные теории современности. научный альманах. Научный совет РАН «История мировой культуры», Москва; Ставрополь: Северо-Кавказский

государственный технический университет, 2010. С. 125-139. (0,8 п. л.).

61. Бакланова О.А., Бакланов И.С. Современная российская социальность в контексте социального конструкционизма / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // Вопросы социальной теории. 2015. Т. 7. С. 168-177. (0,4 п. л. / 0,8 п. л.)

62. Бакланова О.А. Проблема субъекта исторического познания: философский анализ / И.С. Бакланов, О.А. Бакланова // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 1. № 1. С. 24-35. (0,4 п. л. / 0,8 п. л.)

63. Бакланова О.А. Специфика современного исследования социальности в социальной философии // Восьмой Российской Философский Конгресс «Философия в полицентричном мире». Том V: Дополнения и Стендовые доклады. Сборник научных статей. Москва: РFO - ИФРАН - МГУ. Издательство “Логос”, ООО «Новые печатные технологии» (Москва), 2021. С. 90-93. (0,4 п. л..)

64. Бакланова О. Социальная норма как функциональное основание социальности: проблема формирования и поддержания традиций / И. Бакланов, О. Бакланова // Patria. 2025. Т. 2. № 1. С. 75-88. (0,45 п. л. / 0,9 п. л.)